независимый
религиозно-общественный
журнал

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Выпуск 12

РИГА, 1991

ЛЕВ ТОЛСТОЙ:

Для того, чтобы человеку знать, что ему делать, ему надо следовать той воле Бога, которая вложена в него. Воля Бога хочет блага всем существам, всему, что есть на свете. Бог есть любовь... и потому воля в человеке, когда она сходится с волей Бога, есть тоже любовь, и желает блага не одному себе, но всему, что есть в мире. И потому делать человеку в жизни нужно только то, что согласно с волей Бога. А согласна с волей Бога в человеке только любовь.

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была ещё засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, - того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного - чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и ещё больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всем хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека.

Верьте... своему чувству, говорящему вам, что вы не животные и не рабы, а люди свободные, ответственные за свои поступки, и потому не могущие быть убийцами ни по своей воле, ни по воле распорядителей, живущих этими убийствами. И стоит вам только опомниться, чтобы увидеть весь ужас и безумие того, что вы делали и делаете, и, увидав, перестать делать то зло, которое вы сами ненавидите и которое губит вас... Пусть только каждый человек без всяких хитроумных и сложных соображений и предположений исполнит то, что ему в наше время несомненно говорит его совесть, и он узнает справедливость слов Евангелия: "Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сём учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю".

Никакие миллиарды рублей, миллионы войск и никакие учреждения, ни войны, ни революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым, независимо от того, что существует и что ему внушается. Один свободный человек скажет правдиво то, что думает и чувствует, среди тысяч людей, своими поступками и словами утверждающим совершенно противоположное; казалось бы, что высказавший искренно свою мысль должен остатья одиноким, а между тем большею частью бывает так, что все или большинство уже давно думают и чувствуют то же самое, только не высказывают этого. И то, что вчера было новым мнением одного человека, делается нынче общим мнением большинства.

ПОЧТА. ВОПРОСЫ. МНЕНИЕ РЕДАКЦИИ.

* \- У Толстого есть статья "Верьте себе!" Но как он может думать, что эти "выходящие из детства" не ошибутся, поверив себе? Не более ли правильно верить не себе, а, скажем, человеку, имеющему уже большой духовный опыт? И как могут "выходящие из детства" равняться с теми, кто провёл многие годы в посте и молитве и изучали большой духовный опут человечества? Не слишком ли это самоуверенно?

Мысль статьи не в том, что следует пренебрегать опытом мудрецов и подвижников. Наоборот, следует искать и находить их ответы на многие вопросы, которые вставали перед людьми с древнейших времён. Можно возразить, что незачем самим искать, если можно сразу принять готовые поучения мыслителя, всю свою сознательную жизнь изучавшего накопленную человечеством мудрость, или посвятившего себя духовным опытам подвижника. И действительно, разве могут сравниться с ними те, кто лишь вступают в сознательную жизнь? Всё это, вроде, было бы справедливо, если только не вспомнить, что мудрецов и подвижников, дающих поучения, не один и не два, и часто то, что говорят одни из них, довольно сильно отличается от рассуждений других. Кто из них прав? Кому верить? Всё равно искреннему человеку приходится самому делать выбор, самому искать. И так же, как перед выбором: задумываться ли, вообще, о жизни, или просто последовать принимаемым большинством установкам, так и в самом жизненном пути приходится верить себе. И даже не себе, личности, - пишет Толстой, - а "тому вечному, разумному и благому началу, которое живёт в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения".

---

* \- Приходят иногда письма: в них говорится, что этот текст надо переписать много раз и разослать дальше, а иначе Бог накажет. Как вы к таким письмам относитесь?

Эти, так называемые,"святые письма" обычно в качестве своего источника указывают на некий "голос", услышанный кем-то много десятилетий тому назад, на "видения" или "ангелов", повелевших написать тот или иной коротенький текст и разослать десяткам адресатов, чтобы те, в свою очередь, сделали то же, и так далее. Но и эти истории "откровений", и сами тексты /которые часто вообще не присутствуют/ занимают в письмах лишь незначительное место. Основное же - это перечисление благ, которые ожидают исполнивших указание, и бед, которые обрушатся на головы тех, кто письмо проигнорируют. Тут же приводится несколько примеров.

Кроме того, что эти письма называют себя "святыми", и что в них иногда могут встречаться какие-либо религиозные термины, ничего святого и божественного на самом деле в этих письмах нет. Ведь служение Богу - в самоотверженной любви, "изгоняющей всякий страх", в расширении этой любви на всех, на всё Божье творение. Здесь же, в упомянутых письмах, - не что иное, как обыкновенный,неприкрытый шантаж, вселяющий в некоторых читающих суеверный страх и побуждающий их к различным бессмысленным поступкам, не имеющим ничего общего со служением Богу.

И потому, при получении такого письма самое верное - это не пугаться и не поддаваться шантажу, не заниматься тиражированием суеверий, а поскорее выбросить его в мусорную корзину. Поистине, это лучшее, что можно сделать в подобных случаях. Только пусть сердце не осуждает при этом и тех, кто по каким-то причинам не смогли разобраться в сути пугающих писем и сидели, переписывали, рассылали...

Лев Толстой

ВЕРЬТЕ СЕБЕ

Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? и главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окру-

жающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые представятся вам на эти вопросы, будут несогласны с теми, которые были внушены вам в детстве, будут несогласны и с той жизнью, в которой вы найдёте себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии вашем со всем окружающим выразилось самое лучшее, что есть в вас, - то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования. Верьре тогда не себе, известной личности, - Ване, Пете, Лизе, Маше, сыну, дочери царя, министра или рабочего, купца или крестьянина, а себе, тому вечному, разумному и благому началу, которое живёт в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения. Не верьте тогда людям, которые с снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми.

Не верьте этому, а верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем духовном значении.

Помню, как я, когда мне было 15 лет, переживал это время, как вдруг я пробудился от детской покорности чужим взглядам, в которой жил до тех пор, и в первый раз понял, что мне надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало мне её. Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко почувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви. Помню, что я тогда же попытался жить так, но это продолжалось недолго. Я не поверил себе, а поверил всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мне сознательно и бессознательно всем окружающим. И моё первое пробуждение заменилось очень определёнными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми, быть знатным, учёным, прославленным, богатым, сильным, то есть таким, которого бы не я сам, но люди считали хорошим.

Я не поверил себе тогда, и только после многих десятков лет, потраченных на достижение мирских целей, которых я или не достиг или которых достиг и увидал бесполезность, тщету, а часто и вред их, я понял, что то самое, что я знал 60 лет тому назад и чему не поверил тогда, и может и должно быть единственной разумной целью усилий всякого человека.

А какою иною, более радостною для себя и более полезной людям могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голос истины, Бога, в первый раз заговорил в не подверг-

шейся ещё соблазнам душе моей, поверил бы этому голосу и отдался бы ему?

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не под влиянием внешнего внушения, а самостоятельно и искренно пробудившиеся к сознанию всей важности своей жизни, да,не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они так же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования и что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с жизнью существующего общества и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества.

Не верьте и тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека - это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому; цель эта ничтожна перед целью проявления в себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей.

Не верьте этому. Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе вашей. Такое осуществление добра и истины не только не невозможно в душе вашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом, и только это осуществление в каждом человеке ведёт не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому благу человечества, которое предназначено ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни /такие желание часто подменивают желание добра/,а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то,чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться,потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное Ему, начало, жить по-Божьи, как говорят мужики.

Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете всё, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира.

Ищите Царствия Божия и правды Его, а остальное приложится вам. Да, верьте в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света - единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека.

1906-1907 гг.

Ю. Владев

/Эти заметки начали появляться у меня приблизительно с 1970 года /вместо дневника/. Это отголоски общения и разговоров с разными людьми, чтения книг, мои краткие из них выводы-заключения, а также собственные "открытия" того, что уже было мне знакомо, но ещё не стало родственным, и отрицание противоположного. Так что моими ориентирами являются не сами по себе эти заметки, а то, чем они вызваны, то, чем окрашены эти отклики на важные и, казалось бы, мелкие явления жизни. А заметки это, скорее, выражение реакции на ориентиры и попытки определить самочувствие, когда направление пути стало осознанным./

ОРИЕНТИРЫ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

—

Эти вопросы, вопросы, вопросы... Без ответов на них нет ответственности, нет свободы. А ответственность ставит новые вопросы. Не поскучаешь.

—

Без сомнений знание сомнительно. Только сомнения могут привести к уверенности. Там, где знание избегает сомнений, ложь возводит себя в науку. Невежество предпочтительнее несомневающейся лжи.

—

Начало см. "ЯП" №№ 9-10, 11.

Коль намерен остаться оптимистом, не доверяй без проверки оптимистическим сентенциям. Иначе обманутый оптимизм когда-нибудь потянет в объятия пессимизма.

Когда мы ждём, время идёт медленно, когда спешим - быстро. Здесь ещё нетрудно разобраться, что так нам только кажется. Но человеческая заданность, тенденциозность в каком-то важном деле, особенно в религиозной идеологии, настолько мешает объективности, что готова объективность объявить тенденциозностью и, бывает, объявляет.

Религия умирает, если является только идеологией, оторванной от практики. Религия как отношения человека к миру соответствующим поведением людей, их поступками. Она постоянный руководитель, а не предмет обихода, нужный лишь в определённое время в определённом месте. Мало знать свою религию, надо дышать ею.

Та часть религии, которая воплощается конкретными действиями любви и добра, является головой, а часть, не находящая практического применения в этике, - лишь волосы на этой голове. Каких только причёсок мы не носим!

Говорят, самое ценное в мире - жизнь. А в жизни? В жизни - любовь. Её ищет мысль, её называет слово, её осуществляет поступок, её оберегает совесть. Так что самое ценное в нашем мире - любовь. Ею осмысливается жизнь, потому что на ней основывается идеал.

Человек постольку человек, поскольку обращён к этическому идеалу и поэтому стремится к свободе и совершенствованию. Зовущий идеал, направление этики, рамки свободы - всё это религия, являющаяся условием нашей человечности.

Любовь - это этическая установка самоотречения. Только в этом случае любовь может быть всеохватной, безвыборочной, не замешанной на эгоизме.

Иногда непрошенная готовность делать людям добро скрывает желание получать с этого проценты, обретать какую-то выгоду - от сиюминутной корысти /например, надеяться на мысль окружающих о себе: "какой хороший человек!"/ до корысли на перспективу /обязать другого на ответную благодарность: "я - тебе, ты - мне"/. Это что угодно, но только не добро. Покупаются услуги, оплачивается сделка. Добро же до безымянности бескорыстно и не рассчитывает - в идеале - даже по курсу ценностей духовного мира.

Самоотверженность в любви скрыта до востребования. Может и не понадобиться. Просто любящий человек пребывает таковым, что бы ни произошло, остаётся таковым, несмотря на шантаж или провокацию каких-либо случайностей. В любви так называемая самоотверженность является самоутверждением.

Привлекательно выглядит героический поступок, требующий смелости и мужества. Но куда больший запас убеждённости требует каждодневное подвижничество в приверженности взглядам, опережающим общепринятые. Это уже не эмоциональный импульс, а упорная духовная работа, это противостояние чьим-то суевериям и преодоление в себе усталости и страха перед насилием, это терпеливая стойкость, длящаяся годы с постоянной готовностью к самоотверженности. В религиозном смысле - это осознанное прикосновение к своему бессмертию.

Религия разрушается не иного рода идеями, а недомыслием. Если на минуту исключить атеизм из числа религий и согласиться, что "религия - вздох угнетённой твари"/Маркс/, то в силу исторических фактов придётся признать, что атеизм - остановка дыхания. Нет уж, лучше дышать, чем задохнуться.

Учёбы и опыт - две руки для одного дела. Учёба пополняет опыт, опыт облегчает учёбу. Религиозная грамотность уясняет духовную работу, а духовная практика совершенствует религию. И глупо когда-нибудь решить, что теперь уж мне достаточно одной руки.

О стыде говорят, сравнивая его с дымом, что он глаза не ест. А совесть? Не отступит от совестливого, загрызёт. Разницу можно выразить формулой: стыд - когда стыдно не столько перед собой, сколько перед другими; совесть - когда совестно не столько перед другими, сколько перед собой. А от себя, как известно, не убежишь.

У каждого, думается, мораль имеет парадный вход и задворки, до которых"руки не доходят". Если бы посторонние могли заглядывать в задворки, у нас бы быстрее нашлось время вгрести оттуда мусор. Удивительно: позволяем себе пренебрегать своим состоянием, но не мнением о себе людей.

Совестливость - тонкий и хрупкий инструмент, требующий бережного к себе отношения. При этом тем, кто часто отмахивается от совести, кажется, что она совершенно лишена сочувствия к своему носителю, так как не прощает ошибок. И великий стыд, несмотря на прекрасную память, со временем, при изменившихся обстоятельствах, может простить даже преступление; совесть - никогда не простит и малой

погрешности. Но это лишь кажется, что совесть не сочувствует человеку, - просто она не умеет лгать.

Хочется, бывает, чтобы совесть - строгий прокурор - была и красноречивым адвокатом за своего подопечного перед другими людьми. Но она, соотносясь только со своим собеседником, никогда не выходит на публику и не защищает его перед окружающими. Дело в том, что совесть учит бескорыстию в добре и любви, а защита - уже корысть.

Совесть - существо настойчивое до упрямства, несмотря на чувствительность к кажущуюся беззащитность. При этом она требует к себе предупредительного и нежного отношения, потому что она не слуга, а друг. Её можно на время оттолкнуть от себя, но нельзя подкупить или уговорить надолго замолчать. Не она беззащитна, - беззащитен тот, кто не пожелал прислушаться к ней /не бывает положения хуже/. Нет советника разумнее совести, когда происходит в человеке этический выбор.

Шах казнил друзей, говорящих ему обличающую правду, и приблизил льстецов, готовивших ему гибель, - эгоизм сделал его слепым. Всегда ли мы поступаем иначе? Наше льстивое себялюбие - наш врог номер один.

Почаще бы видеть себя дураком, не пропускать, отмечать для себя этот раздражающий факт. Раздражение сменится надеждой: видимое поправимо, неизлечимо только скрытое. И спасибо всем, кто, заметив мою дурь, не скрыл, не отвернулся молчаливо.

Если бы суеверия, предрассудки, привычки не были так сильны, то каждый начинал бы новую жизнь не только с понедельника, а ежедневно. Целый день - это так много, если не тратить его на пустяки.

Переживать за незнакомого человека, который поступил плохо или с которым поступили плохо, естественно, ибо он ближний. А откуда сочувствие к кошке Мурке, поросёнку Хрюше, собаке Мурзе и даже к незнакомой живности? Очевидно, всё, что населяет мою вселенную, мне родня.

При стремлении к лучшему и при ясном понимании наивная доверчивость питает надежду и удесятеряет силы. Наивную доверчивость надо бы не упрекать, а оберегать, даже если она. как часто кажется, становится причиной несчастья наивного человека. А вот подозрительность и недоверие действительно отнимают счастье, смещая жизненные ориентиры и смешивая восприятие добра и зла. Лучше пусть обманывают меня, чем само-

му обманываться, считая что-то хорошее плохим.

Мир един, и незыблемо это единство - единство миров духовного и материального. Ничто не возникает и не исчезает, всё во взаимообусловленности, лишь преобразовывается и изменяется. А мы по недоразумению толкуем о смерти, называя так некоторые материальные метаморфозы и забывая, что внеличностная духовность вообще не имеет такого понятия, как смерть. А ведь человек - существо ещё и духовное.

Все люди по сути своей одинаковы. Великие от заурядных отличаются не какой-то исключительностью, а тем, что смогли понять и выразить себя. Заурядные же не сумели отдать своё духовное достояние в обращение или, хуже того, вообще не заметили его в себе.

Не прислушивайся к аппетиту, жди чувства голода; не гонись за наслаждениями, береги свободу; не стремись к богатству, довольствуйся работой; не заражайся обидой, оставайся доброжелательным; не желай похвалы, приучайся к самоотречению; не бойся болезней, радуйся жизни, - и откроется истина, и снизойдёт сила, и осуществится назначение.

Хорошо-то как устроено всё: как в физическом труде, после траты себя до предела, возвращается новая сила, так и в духовной работе возникает энергия, раздвигающая пределы, которые казались прежде непреодолимыми.

Так называемые диссиденты всех оттенков всегда составляют, понятно, меньшинство общества. Но без этого беспокойного меньшинства большинство было бы обречено н спокойное омертвение. Поводырём слепца может быть и слабый ребёнок.

Добрый человек обязательно в какой-то мере оппозиционер властвующему режиму, сознаёт он это или нет. Это неизбежно хотя бы потому, что совершение добра предполагает свободу выбора. А внутренне свободный человек так или иначе находится в оппозиции насилию, то есть отсутствию выбора. Поэтому режимная пропаганда нравственности является в лучшем случае неблагодарным делом, в худшем - заведомой ложью.

Говорят, нет морали самой по себе, моральность или аморальность поступков определяется, мол, тем, какому делу поступки способствуют или препятствуют. Добрым счита-

ется всё то, что помогает делу, которому служишь, и злом - то, что мешает этому делу, сиречь религии, революции, партийности и т.п. Вообще-то, мол, быть негодяем непозволительно, но когда безнравственность допускается для пользы дела, она становится доблестью. Так дорогое дело, которому служат подлостью, превращается в подлость, ибо допущение зла ради добра неизбежно превращает добро в зло. Всякое наше дело должна определять совесть, если не хотим, чтобы дело было кукушёнком в гнезде совести. Ведь жизнь с ущемлённой совестью - фальшивка. Мораль, совесть - выше дела, каким бы значительным оно ни представлялось.

—

Бодрая фраза "С нами Бог" когда-то употреблялась как воинственный клич. Местоимение во множественном числе говорит здесь о том, что Бог видится главой конкретной общественной иерархии, борющейся с врагами. Кто считает, что к нему должен присоединиться Бог, уже отвернулся от Бога.

—

Не следует считать, что хорошее дело выигрывает, если ты ему служишь. Предпочтительнее думать, что выигрываешь сам, потому, что служишь хорошему делу.

—

Можно быть бедным до нищеты, нещадно эксплуатируемым, раз иначе не получается. Не так уж стыдно, если это беда, а не вина. Но никогда нельзя позволить злоупотребить собой. Границей всякой эксплуатации является превращение человека в средство насилия над другими людьми, ибо здесь теряется его внутренняя свобода. Это уже порабощение. А рабство - явление, находящее вне человеческих отношений. Эпиктет, будучи рабом, был всегда внутренне свободен.

—

Хорошо, что на свете есть дети. С их помощью взрослые могут вспомнить, а если удастся, то и восстановить в себе что-то ценное, что они потеряли на пути к своей взрослости - простоту и непосредственность отношений, безбоязненную искренность, мудрую наивность, бескорыстное целомудрие. И, с другой стороны, видя в детях капризность, иногда жестокую агрессивность, бестактную прямолинейность, необдуманность суждений и поступков, взрослые могут рассмотреть себя как бы со

стороны и попытаться соскоблить всё это со своей совести. Хорошо бы взрослым, особенно родителям, дружить с детьми - для взаимовоспитания. К сожалению, дружба поколений в наших условиях - почти исчезнувшее явление.

—

Детские книжечки с сиропчиком, слащавенькие разговоры и назойливые ухаживания, которыми перекармливают деточек добренькие взрослые, вызывают у многих детей протест. Рано или поздно ребёнка стошнит, и он сквозь розовенькие сюсюканья будет видеть только неискренность или глупость родителей и воспитателей - даже там, где их намерения и мотивы поведения безупречны. Ещё хуже, если по слабости подопечный посчитает лживость и холуйство взрослых должными и примет их правила игры как програму собственной жизни. Думаю, даже безразличие в воспитании детей предпочтительнее компрометации добра его карикатурным навязыванием. Там хоть отношения не имеют эмоциональных зигзагов. Хорошо бы любить ребёнка на равноправных с ним началах - не потому, что он маленький, а потому, что человек.

—

В воспитании детей противопоказано выпячивать исключительную любовь, как и антипатию. Обожание и неприязнь - враги воспитания. Воспитатель должен во-первых, постоянно воспитывать себя, во-вторых, быть открытым, в-третьих, к воспитываемым относиться ровно-доброжелательно. Остальное приложится.

—

В нашем изолгавшемся мире постоянные разговоры о будущем означают попытку спрятаться в нём от настоящего, оттянуть свой ответ за свои теперешние дела. Действительная забота о будущем должна бы вынудить к честному разговору о настоящем.

—

Не беда, если собственная мысль приводит к выводам, которые были высказаны кем-то ранее. Беда, если чужая мысль принимается бездумно. Самостоятельное открытие уже открытого говорит лишь о том, что размышления на эту тему необходимы. Суть не в новизне, а в актуальности теории. Когда же мысль устаревает, находится первооткрыватель иных умозаключений, которые позже не однажды будут открываться и совершенствоваться другими людьми. Ведь те, кто первыми почувствовали тепло солнечных лучей, не могут монополизировать солнце.

Океан насыщает воздух влагой, из которой возникают облака, посылающие на леса, степи, поля животворящий дождь. Когда умирает или появляется, вбирая в себя воду, трава, цветок, дерево, количество воды на планете не уменьшается и не увеличивается. Неизменный Океан принимает воду, бывшую растениями, и опять посылает её жаждущим семенам и росткам. Так и жизнь одухотворяет людей, стремящихся как можно больше вобрать в себя Бога общением, трудом, молитвой, искусством, наукой, - разумом и любовью. Как каждая капля влаги - подобие Океана, так душа каждого человека - конкретное подобие Бога.

Если бы люди могли полнее выразить друг другу свой внутренний мир, - вся история человечества пошла бы по-другому. Мы почти всегда совершаем роковую ошибку, не видя в другом того внутреннего богатства, которое знаем в себе. И факт, что мы замечаем эту ошибку в окружающих, становится оправданием такой же своей ошибки. А то, что мы ошибаемся относительно внутреннего мира других, обедняем в их глазах наш внутренний мир.

Жизнь, то есть желание блага - общее, всечеловеческое явление, объединяющее духовным родством всех людей без исключения.

г.Киев.

КОНЦЕПЦИИ НЕНАСИЛИЯ

Мартин Лютер Кинг

ИЗ КНИГИ STRIDES TO FREEDOM, *(1958)*

Учитывая, что философия ненасилия играла такую положительную роль в Движении Монтгомери, следует рассмотреть её основные принципы.

Во-первых, нужно подчеркнуть, что ненасильственное сопротивление - это не трусость, а именно сопротивление. Если же кто-то действует таким образом потому, что боится или просто не имеет возможности воспользоваться орудиями насилия, то по своей сути действия такого человека уже не являются ненасильственными. Потому-то и говорил Ганди, что, если трусость - альтернатива насилию, то уж лучше сражаться. Утверждая это, он однако ясно сознавал, что, хотя ни один человек или группа людей вовсе не

должны подчиняться несправедливости, но они не должны и прибегать к насилию для восстановления справедливости, ибо всегда есть возможность ненасильственного сопротивления. Причём, именно таков путь сильного человека.

Здесь не может быть речи о ленивой пассивности. Выражение "пассивное сопротивление" часто производит обманчивое впечатление: кажется, что это "метод ничего-не-деланья", вяло и пассивно приемлющий зло. Нет ничего более далёкого от истины. Участник ненасильственного сопротивления пассивен в том смысле, что он не проявляет физической агрессивности, хотя в это самое время его ум и его чувства всегда активны, и он всегда ищет способы убедить противника. Это метод физической пассивности при исключительной духовной активности. Не пассивное НЕсопротивление, но активное ненасильственное сопротивление.

Во-вторых, ненасильственный метод не направлен на поражение или унижение противника, но это поиск дружбы и взаимопонимания. Когда участник ненасильственного сопротивления выражает свой протест бойкотом или несотрудничеством, он сознаёт, что всё это не самоцель, а лишь возможности пробудить в противнике чувство морального стыда. Цель же - покаяние и примирение.

Третья важная особенность этого метода состоит в том, что он направлен не против людей, совершающих зло, но против самого зла. Участник ненасильственного сопротивления сознаёт, что совершающие зло сами же являются его жертвами. Если например, он выступает против расовой несправедливости, то он ясно видит, что перед ним вовсе не межрасовый конфликт. В Монтгомери я часто повторяю людям: "В этом городе конфликт не между белыми и чёрными. В своей основе это конфликт между справедливостью и несправедливостью, между светом и тьмой. И если нас ждёт победа, то это не будет победа 50 тысяч негров, но победа справедливости и света. Мы должны быть против несправедливости, а не против белых людей, которые могут быть несправедливы".

Четвёртая особенность, характеризующая путь ненасильственного сопротивления, - это готовность принять страдание без мысли об отмщении, готовность принять удары противника, не нанося ответных ударов. "Прежде, чем мы добьёмся свободы, могут пролиться реки крови, но это должна быть наша кровь", - говорил Ганди своим соотечественникам. Сторонник ненасильственного сопротивления должен быть готов стать жертвой насилия, но сам он насилие никогда не применяет. Если ему суждено заключение, то он входит в тюрьму, как "жених входит в брачные чертоги".

Вы можете спросить: "Что служит оправданием участнику ненасильственного сопротивления за те тяжёлые испытания, в которые он увлекает и других, за внесение древней заповеди "обрати и другую щеку" в массовое политическое движение?" Ответ находится в другой древней истине: незаслуженное страдание ведёт к спасению! Страдание обладает огромными преобразующими возможностями. "Один только разум не способен обеспечить людям основополагающие ценности жизни, необходимо ещё и страдание, - говорил Ганди. - Когда нужно обратить противника на путь истинный, открыть его слух, который пока был закрыт для голоса разума, страдание бесконечно сильнее закона джунглей".

В-пятых, ненасильственное сопротивление подразумевает не только отказ от внешнего физического насилия, но и от внутреннего, душевного, то есть участник ненасильственного сопротивления не только не будет стрелять в противника, но будет избегать какой бы то ни было к нему ненависти. Ядром ненасилия является принцип любви. Сторонник ненасильственного сопротивления настаивает на том, что в стремлении к утверждению человеческого достоинства угнетённые не должны поддаваться искушению ожесточиться и развязать кампанию ненависти. Месть ничего не достигает, но лишь укрепляет позиции зла в мире. Всегда должен найтись кто-то, у кого хватило бы мудрости прервать цепь ненависти. Но это возможно только при условии, что этика любви станет основой нашей жизни.

Любвь, о которой идёт речь, это не просто сентиментальное или страстное чувство. Было бы нелепостью призывать к такой любви по отношению к угнетателям. Но я имею в виду любовь как понимание, как спасительную добрую волю. Здесь следует обратиться к греческому языку. В греческом тексте Нового Завета есть три слова, означающие любовь. Первое - это "эрос". В философии Платона "эрос" выражает тоску души по божественному. Теперь этом словом определяют любовь эстетическую и романтическую. Второе - "филия", то есть привязанность, дружба, человек любит, потому что любим. Но когда идёт речь о любви к врагам, имеется в виду не "эрос" и не "филия", а третье греческое слово - "агапе". Это добрая воля ко всем, это любовь с избытком, совершенно не мотивированная, беспричинная, не зависимая от того, любят ли нас или нет, это любовь Бога, действующая в сердце человека. "Агапе" - бескорыстная любовь. Любовь, которая не ищет своего, но пользы другого /1 Кор./. "Агапе" не разделяет людей на достойных и недостойных или по каким-то иным признакам. "Агапе" начинается тогда, когда другого любят ради него самого. Это истинная любовь к ближнему, когда ближний - каждый встречающийся человек. И потому "агапе" не делит людей на друзей и врагов, но одинаково направлена на каждого. Если же человек любит другого только только за дружеское расположение, то он любит ради пользы, которую может извлечь из этой дружбы, но не ради самого друга. Следовательно, лучший способ убедиться, действительно ли бескорыстна ваша любовь, - это любить врагов своих - тех ближних, от которых не ожидается в ответ ничего хорошего, а только враждебность и преследования.

Другая важная черта "агапе" в том, что эта любовь рождается из нужды другого человека. Добрый самаритянин, который помог иудею на пути в Иерихон, потому-то и был добрым, что откликнулся на человеческую нужду. Любовь Бога вечна и не иссякает, потому что человек нуждается в Его любви. Апостол Павел убеждает нас, что исполненное любви искупление грехов было совершено, "когда мы были грешниками", - то есть тогда, когда мы больше всего нуждались в любви.

Поскольку расовая сегрегация очень сильно повредила и белому человеку, и душа его изранена, он нуждается в нашей любви. Негр должен любить белого человека, который нуждается в этой любви, чтобы освободиться от внутреннего разлада, беспокойства и страха.

"Агапе" - это вовсе не пассивная любовь. Это любовь действенная. "Агапе" стремится созидать и охранять человеческое сообщество. Она выступает за сообщество, даже когда кто-ни-

будь пытается разрушить его. "Агапе" - это готовность идти до конца, шаг за шагом, не останавливаясь. Это готовность прощать - не до семи, но семидежды семидесяти раз. Крест - вечный Божий символ восстановления разрушенного сообщества. Воскресение - символ торжества Бога над всем тем, что сообществу препятствует. Дух Святой - это реальность, непрерывно созидающая сообщество на протяжении всей истории человечества. Действующий против сообщества действует против всего мироздания. Потому, если я отвечаю на ненависть ненавистью, я лишь углубляю трещину в разрушающемся здании сообщества. Если я отвечаю на ненависть ненавистью, я теряю себя как человека, потому что лишь в сообществе человек может исполнять своё назначение. Б.Т.Вашингтон был прав: "Не позволяйте никому унизить вас настолько, чтобы вы возненавидели". Упав так низко, вы начинаете действовать против сообщества, тем самым отрицая мироздание, бросая ему вызов, и теряете себя как человека.

В конечном счёте, "агапе" означает признание того факта, что всё в жизни взаимосвязано. Всё человечество вовлечено в единый процесс, и все люди - братья. И если я причиняю вред своему брату - вне зависимости от того, как он поступает со мной, - я в той же мере наношу вред самому себе. Любовь,"агапе" - это единственный материал, скрепляющий это разрушенное сообщество. Мне заповедано любить, и это значит - восстанавливать сообщество, противостоять несправедливости и откликаться на нужду моих братьев.

Шестой принцип. Ненасильственное сопротивление основано на убеждении, что Вселенная всегда на стороне справедливости. Поэтому тот, кто верит в путь ненасилия, верит и в будущее. Эта вера - ещё одна причина, по которой участник ненасильственного сопротивления готов принять страдание без мысли об отмщении. Ведь он знает, что в борьбе за справедливость его союзником выступает мироздание. Действительно, есть и такие преданные сторонники ненасильственного сопротивления, которым трудно принять идею личного Бога. Но даже они верят в существование некой созидающей силы. Как бы её ни называли: бессознательным процессом, безличным Брахманом, или Творцом, всемогущим и бесконечно любящим, - есть во Вселенной эта созидающая сила, приводящая разрозненные детали бытия в гармоническое целое.

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

IFOR - *Международное Содружество примирения*

ГОЛОСА НЕНАСИЛИЯ

"Дух ненасилия начинается с уважения к людям, благоговения перед жизнью. Поэтому исключается какое бы то ни было насилие - не только физическое или словесное, но важно даже

то, как мы смотрим на других и что мы о них думаем. Здесь также необходимы открытость и правдивость в общении, отказ от секретности и обмана".

Диана Френсис,
Англия.

—

"Мы нуждаемся в людях, умеющих общаться, умеющих понимать других. Таких немного. Чтобы примирять враждующие стороны, мы должны иметь способность понимать страдания как одних, так и других. Если же мы присоединяемся к одной из сторон, уже становится невозможным осуществлять дело примирения.

Я могу сказать вам, что, если вы не способны улыбнуться, - в мире не будет мира. Вы можете принести мир не демонстрациями против ядерного оружия, а вашей способностью улыбнуться, вашим осознанием того, что вы можете нести мир. В медитации, улыбке, дыхании, радуясь голубому небу, мы можем внести новую струю в движение за мир".

Тих Нхат Ханг,
Вьетнам / Франция.

—

"Наша надежда на тех, кто не пугается насилия - откуда бы и от кого бы оно ни приходило, - на тех, кто всегда настойчиво и бесстрашно выступают на защиту людей, но кто в то же время заботятся о том, чтобы самим не применить то же насилие, против которого они борятся. Активное ненасилие, которое я здесь предлагаю, - выбор тяжёлый. Ведь это наиболее радикальный путь, требующий от идущих по нему высочайшего героизма. Это путь обращения ко всему высшему в человеке, к его внутреннему идеалу, к тому, что отличает его от животного, это признание данной Богом способности быть глубоко человечным и свободным даже среди внешней несвободы и жестокой бесчеловечности".

Франсиско Клевер,
Филиппины.

PRAYER for PEACE

Lead me from death to life,
from falsehood to truth.

Lead me from despair to hope,
from fear to trust.

Lead me from hate to love,
from war to peace.

Let peace fill our heart,
our world, our universe...

ШАГИ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Нашим читателям уже хорошо известно отношение журнала к любому убийству или обучению ему, а соответственно, и к военной службе. Мы знакомили и с некоторыми документами и воззваниями, являвшимися шагами на пути демилитаризации.

В этом выпуске предлагается глава из обзора "Отказ от военной службы по соображениям совести" / о положении в СССР /, подготовленного Московским бюро Транснациональной Радикальной партии.

—

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЗА ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Требования обеспечить право на отказ от военной службы находят отклик у очень большого числа самых разных общественных организаций по всей стране. Это связано с тем множеством причин, которые вызывают негативное отношение общественности к армии и нежелание проходить военную службу. Многие из этих организаций, выступая с присущих им позиций, будь то правозащитных, религиозных, пацифистских или просто общегуманных, принимают участие в движении за право на отказ от военной службы и за введение альтернативной службы. Однако, преимущественно эта деятельность не носит организованного, взаимно согласованного характера, что во многом ослабляет её эффект.

Наиболее координированной, крупномасштабной акцией в этом плане, вероятно, можно считать идущую кампанию по сбору подписей под обращением в Верховные Советы СССР и РСФСР, которое призывает к незамедлительному введению альтернативной службы для отказников по убеждени-

ям совести. Её инициаторами выступили Комитет солдатских матерей, Транснациональная Радикальная партия, Международная Ассоциация "Гражданский мир", Либеральная фракция депутатов Моссовета, Союз "Щит" и Всесоюзное общество "Мемориал". Интенсивный сбор подписей под этим обращением проводится также в Европе и Соединённых Штатах Америки, где собрано и передано в Советский Союз уже несколько тысяч подписей. Начало этой петиционной кампании было положено в мае 1990 года аналогичным обращением 76 депутатов Моссовета, адресованным Съезду народных депутатов РСФСР.

На уровне общественных организаций предпринимаются попытки законотворческой деятельности. Так, Радикальной партией разработан проект Закона РСФСР об альтернативной гражданской службе. В отличие от предложения Комитета по делам молодёжи ВС СССР, проект Радикальной партии предусмвтривает рагистрационный принцип предоставления альтернативной службы. Это значит, что те, кто претендуют на предоставление альтернативной службы, освобождаются от бремени доказательства искренности своих убеждений. Единственным же основанием для получения такой службы является соответствующее заявление призывника. Согласно законопроекту, альтернативная гражданская служба не должна проходить на предприятиях оборонной промышленности и не должна быть связана с Вооружёнными Силами СССР и другими военизированными организациями и формированиями. Срок альтернативной службы определяется 24 месяцами. Среди недостатков законопроекта следует отметить то, что не предусмотрено право на отказ от военной службы по убеждениям совести лицам, уже проходящим действительную военную службу.

В настоящий момент предпринимаются усилия объединить все общественные силы, обеспокоенные отсутствием в СССР права на отказ от военной службы по убеждениям совести. Роль координирующего механизма предполагается возложить на зарождающееся Движение за демилитаризацию. 3 ноября 1990 года на встрече участников различных миротворческих, правозащитных и молодёжных организаций был учреждён Оргкомитет этого Движения. Как сказано в Декларации о намерениях Оргкомитета, целью Движения за демилитаризацию будет являться "преодоление сложившегося в обществе культа насилия, выражающегося во всеобщей милитаризации, доминировании военных приоритетов над социальными, интенсивной военно-патриотической обработки граждан с раннего детства". Оргкомитет Движения за демилитаризацию в качестве первоочередной и ближайшей задачи выделил незамедлительное введение в СССР альтернативной гражданской службы для тех, кто не может проходить военную службу по убеждениям совести.

Александр Проноэин.

Олег Бобин

НЕИЗМЕННОЕ — В ДВИЖЕНИИ

В последнее время чувствую, что то, чем хочется поделиться, не воспримет тот, кто не испытает подобного.

Как, действительно, описать чувство? Можно описать, хотя бы в общих чертах, Париж человеку, который там ни разу не был. Будет плохо понятно, неясно, но примерное ощущение слушающий уже получит.

Но как описать совершенно новое чувство - чувство внутренней радости? Человеку, который не испытал этого, не понять с помощью слов даже направления того, о чём идёт речь. Наверняка можно только создавать благоприятную атмосферу для рождения подобного.

"Я подумал: пойду опишу я что вижу. Но как описать это? Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила, пачкать пальцы и чертить на бумаге буквы. Буквы составляют слова, слова - фразы; но разве можно передать чувство?.. Описание недостаточно" - это пишет Толстой в дневнике. Или вот ещё: "Какая грубая вещь слово! - так площадно, глупо выходят переданные чувства..."

Когда-то рождался нелепый вопрос: "Тогда зачем всё это передавать словами?"

И могу ответить вопросом же: "Для чего человеку эти знания, которые он получает при жизни? Для чего художник пишет картину? Музыкант - музыку? Поэто - стихи? Для чего человек разговаривает? Что тянет его за руку, за язык?"

Сейчас я ближе к тому, чтобы ответить: единение. А "дёргает за руку" и "тянет за язык" естественная необходимость поделиться определённым знанием, которое имеет человек, находясь на каком-то этапе развития в тот момент, когда это происходит. Это знание принадлежит всем.

Всё так тонко и гармонично взаимосвязано, что отдельно какую-то часть не выберешь. Чем дальше - тем это делать сложнее. С каждым новым днём всё окружающее / и я сам/ приобретает в моих глазах единое целое - такое, что словами всё труднее

передавать. Даже удивительно, насколько схожие ощущения испытывал Толстой.

Впрочем, не говорю о том, что слово совсем не является средством общения. Я говорю только о неэффективности. Особенно, когда речь идёт об описании радости познания, о переживаниях, о видении этого мира по-другому, о движении. Раньше я думал, что при"умелом владении словом" - возможно. Теперь же - нет.

Теперь я каждый раз перед началом разговора говорю моему собеседнику: "Воспринимай не слова, а то, что я хочу передать".

При встрече с разными взглядами на что-нибудь одно положительный результат возможен, если оба человека будут необозлённые, не омрачённые страхом своего поражения, а когда будут внимательно, с добром и жаждой познания слушать друг друга.

В спорах каждый считает себя правым. Но,тем не менее,-оба человека правы. Например, вы имеете перед собой человека, который, как вам кажется, поступает неправильно. Но вспомните себя по возрастам. Сначала вы говорили одно и делали так, как вам было ясно. Со временем / с движением/ вы - где резко, а где незаметно - осознаёте, что вы уже не тот, кем были раньше. И это естественно. А о том, что было раньше, вы наверняка говорили, что это было глупо, что вы ещё многого не знали, не видели. Это тоже естественно. Но вспомните, как вы, будучи прежними, рьяно убеждали всех в другом, нежели сейчас. Ведь вы махали кулаками, сердились или, может быть, просто огорчались, когда вас не понимали. Но, однако, вы были правы - вспомните хорошенько - вы были правы ровно настолько, насколько позволяли ваши знания, вы видели настолько, насколько позволяли ваши глаза, слышали настолько, насколько вам в тот момент было слышно. Вы не лгали себе в тот момент, даже если вы впоследствии будете говорить, что раньше вы "просто упрямились", "не хотели признавать поражения". Но всё это уже"впоследствии".

Один уверен, что прав, и другой уверен в свое правоте. Но, независимо от разных взглядов, настоящий цвет может быть и не чёрным, как говорит один, и не белым, как утверждает второй, а каким-то совершенно другим - залёным, например. А может и вообще отсутствовать такое понятие, как цвет.

Это не значит, что при встрече с разногласиями надо пытаться их не видеть. Это может дать повод для лицемерия. Наоборот, желательно всячески пытаться освободить своё естественное стремление - узнать, почему же он видит одно, а я - другое, хотя смотрим мы на одно и то же, - от неразумного желания видеть и чувствовать только себя правым.

Я говорю себе и другим: "Не лгите себе. Истина остаётся неизменной, как движение. Меняются только возможности узнать иное восприятие мира, чем ваше. Даже если вы уже много построили на своей убеждённости, не мешайте всякому самому мельчайшему вопросику опрокинуть всё вами по-

строенное. Радуйтесь, что есть возможность стать ещё ближе к истине".

Истина на то и есть истина, чтобы человек, ощущая её, сам признался, что нет большей радости, чем познавать её, повиноваться ей.

Кстати, когда я начал, слушая другого человека, воспринимать его ощущение /которое он стремится передать при помощи слов/, я познал, что КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ПРАВ. Даже тот, кто со мной не согласен. Впрочем, и слово "познал" здесь не подходит. Просто в один момент я ощутил это всем своим существом. Словно бы я влез в другого человека и увидел всё сам. Я почувствовал восприятие мира через его органы чувств. Я сам убедился, отчего он говорит мне, что это - чёрное, когда по моим ощущениям это - белое. Это происходило из-за того, что у кого-то из нас не действовали некоторые чувствительные точки, и потому воспринимался не истинный цвет предмета. Хотя об "истинности" можно не говорить. Ведь при движении дальше может оказаться что-то совершенно другое. Но радость познания в движении!

Мне кажется, следует воздерживаться от строительства конечных выводов. Что ясно - то ясно само по себе и изложению на бумаге не подлежит. Раньше я подобными построениями занимался. Но мои скороспелые выводы перечёркивались множество раз.

Со временем я стал замечать неизменное в движении, и это НЕИЗМЕННОЕ не было ни в одном из таких выводов.

Впрочем, думается мне, если нужны выводы, пусть они будут. Только с любовью хочется ко всем движущимся послать тёплое весеннее утро, чтобы оно вместе со вновь оживающей природой уменьшило боль, отчаянье, страх.

Движение для меня - это освобождение от грязи и мусора в самом себе, от бактерий нездоровых мыслей - вобщем, от всего того, что мешает быть свободным.

И чувствую движение в каждый новый день. Особенно запомнился момент, когда ушёл от курения. Слово "бросил" совершенно не подходит. Просто в один из солнечных мартовских дней не захотео курить. Скажи мне такое месяц раньше - рассмеялся бы в лицо и попытался бы убедить, что "в наше время" без курения не обойтись. Если же углубиться в то ощущение, которое я испытал в тот момент, то опишу его так: это занятие мне стало не нужно. И это после шести лет упорного отравления! Просто не стало потребности! В то время я читал "Мысли о Боге" Толстого. По сей день испытываю непередаваемую внутреннюю лёгкость от некурения. Стал ещё чуть-чуть свободней. Хотя, в то же время, знаю, что это не результат раздумий... Нет, словами не передать!

Живу я в маленьком провинциальном городке на юге Карелии, где все жители знают друг друга в лицо. Первое время было довольно непривычно, когда на тебя таращат глаза, узнав, что "этот" - один из чудаков, решивших из благоустроенных квартир переехать вместе с семьями в один старый/престарый дом. Но ничего, сейчас, вроде бы,

приутихли разговоры.

Испытывая на практике все неудобства после "благоустроенности", узнаёшь много нового. Например, насколько реальны мои ощущения мои ощущения по поводу единения? Что именно мешает?

Это не праздное любопытство привело нас к совместному проживанию. Побудили нас весьма серьёзные и веские причины. Стало очень трудно жить в окружающем нас с рождения мире. Приходилось врать самому себе. Тогда решили начать с немногого: создать свой маленький микроклимат, чтобы уменьшить, насколько возможно, влияние массового гипноза.

Сложностей очень много, но много и радости. Много новых, порой непредсказуемых, неясных и ясных ощущений всего происходящего.

Коммуна ассоциируется у меня с тем ощущением, которое частично можно передать словом "единение".

Можно - объединять усилия для какого-то дела.

Можно - поступать по совести /я бы сказал, по собственному внутреннему ощущению/ или разуму; и это тоже единение, даже если эти люди друг о друге не знают.

А можно - объединиться в маленький микроклимат /если в этом есть необходимость и имеется возможность/. Можно нескольким семьям поселиться в одном доме, в одной деревне, недалеко друг от друга. Для меня эта форма единения кажется более эффективной и полезной, но она и более сложная. Сложности заключаются в несовершенстве каждого.

В единение входит и уединение. Это тоже необходимо.

Каждый раз, узнавая "новое", чувствую, что это не работа мозга, а что-то другое. Как будто я вспомнил то, что давным-давно забыл. Словно во мне все эти знания есть от рождения, а я почему-то, ощущая их в себе, не могу дойти до них мозгом. Это происходит постепенно. Как я раньше не подозревал?!

1990 г.

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

Александр Шевченко

О МОЕЙ ЖИЗНИ

Родился я в 1928 году в Брянской области. Детство моё ничем не отличалось примечательным. Очень я любил музыку и пение, любил купаться в реке, ловить рыбу и раков. Хоть река наша была и небольшая, она нам казалась самой лучшей, а вода в ней была кристально чистой. Теперь этой реки уже не существует, остался лишь грязный, вонючий ручей из-за построенных вблизи заводов. Я пас за деревней телят и коз. Да ещё в самом раннем детстве на мне лежала обязанность пасти уток: выпустишь их, бывало, из дома, направишь к ручью и целый день бродишь вслед за ними.

Помню, кажется, ещё в дошкольном возрасте меня интересовал такой вопрос: кончается ли жизнь человека совсем с его телесной смертью? Задавал я этот вопрос своей матери. Мать отвечала, что кончается совсем. На меня находил какой-то ужас от такого ответа. Я вновь спрашивал мать:

- Мама! Неужели когда я умру, меня уже больше никогда, никогда не будет? Пройдёт много-много лет, а меня не будет? Неужели живёт человек только пятьдесят или сто лет, и на этом уже заканчивается совсем его жизнь, и она уже больше никогда и нигде не возобновится?

Мама отвечала, что больше уже не будет жизни. Такой ответ приводил мою детскую душу в невыразимую досаду, я как-то не верил, что это так. А ведь моя мать считалась религиозной, то есть ходила часто в церковь. Веры она была православной. Теперь я удивляюсь, как это священник не преподал своим прихожанам такие элементарные религиозные истины, как то, что жизнь человеческая не прекращается со смертью его тела, что плотская смерть - не конец жизни, а только перемена, что жизнь бесконечна.

До двадцати лет я прожил в своей деревне. К этому времени я уже успел поучиться и на шофёра, и на тракториста, но ни тем ни другим не работал - не хватало трkторов и машин. Родители говорили, что я непутёвый у них сын - ничему до конца не доучиваюсь. Потом я всё же выучился делать валенки и работал в одной государственной артели по их производству, и родители были этому рады.

К двадцати годам я уже выучился курить и пить спиртное, но

выпивал я от случая к случаю, потребности в спиртном я тогда ещё не чувствовал. Был только один случай, когда я сильно напился в эти годы. Это было в 1944 году. Внешне моё сильное опьянение проявлялось лишь в том, что я очень плакал по своему родному дяде Ване, умершем уже два года до этого. Я очень сожалел о его смерти и оплакивал его. Я его очень любил с самого детства, любил и он меня. Опьянение моё всегда проявлялось чувством сострадания к людям и материальной щедростью. Я готов был всё отдать другим, и был я в этом состоянии мягким и доброжелательным, а никак не агрессивным. У меня не было желания с кем-то подраться, кого-то обидеть.

К двадцати годам я уже имел девушку, которую очень любил. Она была красива собой. Но вот, в 1948 году, меня потребовали в военкомат, который был в десяти километрах от нашей деревни. Я прошёл медицинскую комиссию, и мне сказали, чтобы через три дня я прибыл сюда с парой запасного белья и продуктами на три дня, и меня повезут в Севастополь. Мои родители справили проводы, то есть приготовили хмельного и разной закуски, позвали близких, родных, и я своих двух друзей и невесту, и произносили тосты за мою благополучную службу и возвращение домой.

Привезли меня в военкомат. Там я распростился со своими родными, своей невестой и с друзьями, и был был отправлен поездом с такими же двадцатилетними парнями в Севастополь. Мне в деревне говорили, что раз направляют в Севастополь, значит буду матросом служить, чему я, конечно, был очень рад, потому что мне нравилась форма моряков из всех родов войск больше всех.

Но оказалось, что не суждено мне было быть военным.

Приехал я в Севастополь 26 декабря 1948 года. Нас привезли очень много - большой эшелон. На железнодорожном вокзале нас встретили торжественно, с музыкой - играл военный духовой оркестр. С вокзала нас первым делом повезли на машинах в баню. Здесь нас обстригли, мы помылись, и нас сразу же в бане переодели в форму ФЗО, в тёплые ватные бушлаты чёрного цвета, хлопчатобумажные брюки и гимнастёрки такого же цвета и повезли нас на окраину города в район Стрелецкая бухта. Там находились два трёхэтажных дома, в которых и разместили всех прибывших. Здесь нам объявили, что мы будем восстанавливать город после военной разрухи и мы обязаны будем проработать на строительстве города три года. После трёх лет мы свободны уезжать из Севастополя или оставаться здесь. Эти три года нам будут защитаны в срок военной службы.

И нас начали учить строительным профессиям по группам: каменщики, штукатуры, маляры, сантехники, электрики, плотники и другие. Я попал в группу маляров - это я сам пожелал. Учили три месяца и после обучения направили нас на стройку в город. Нас поместили жить сперва в так называемый палатгородок. Палатгородок этого строили военнопленные немцы, которых мы ещё застали. Они строили нам и столовую. В одной палатке нас находилось, кажется, до сорока человек, но потом были отстроены на этом же месте длинные одноэтажные деревянные бараки. Палатки убрали, и строители разместились уже в более благоустроенных строениях.

Мы начали работать и зарабатывать деньги. Заимев деньги, мы стали с каждой получки обязательно выпивать. Начались

по вечерам в дни получки пьяные песни, драки. Началось и воровство. Воровали свои же друг у друга. Однажды у меня и моего друга земляка, с которым мы жили в одной комнате, украли наши костюмы и пальто, которые мы уже купили на заработанные деньги. Мы заявили в милицию, но воров так и не нашли, и мы решили перейти на частную квартиру. Хозяйка дома, которая предоставила нам комнату метров семи, была доброй. Она была совсем слепой, жила со своими родственниками, брала с нас за квартиру недорого.

Когда мой друг женился, я уступил квартиру молодожёнам, и поселился в другом месте. Тогда же я поменял строительную организацию на ту, где я надеялся в скором будущем получить квартиру. Я поступил в ЖКО при стройгородке, то есть в ту организацию, в ведомстве которой находились все жилые бараки для строителей. После того, как я проработал там немногим больше года, мне дали однокомнатную квартиру в семейном бараке. Условия были такие: на восемь квартир была одна общая кухня с водопроводом, печка, топившаяся дровами, отопление комнат было батарейно-водяное, туалет на улице, метрах в двадцати от барака. Ванн или душа в квартирах этих тогда не было. Но каждый получивший такую квартиру был рад и этому, лучшего мы не видели и не знали. Дали мне квартиру лишь по тем мотивам, что я намеревался пригласить своих родителей в Севастополь, чтобы жить вместе а не врозь. Там, на родине в милиции они получили пропуск на выезд в Севастополь, продали в деревне свой дом и всё хозяйство и приехали ко мне.

Приехали они ко мне в 1953 году. К этому времени я был уже крайне испорченным. Я уже многие заповеди Божьи нарушал: я прелюбодействовал, сквернословил, одурманивал себя пьянством, курением, крал. Особенно я пристрастился к спиртному, меня уже начинало тянуть к этому, я уже чувствовал, что эта дурная привычка превращается во мне в потребность. Я уже не раз возвращаюсь поздно вечером домой в пьяном виде, меня уже часто мать встречает со слезами и мольбой прекратить пить, говоря, что это невыносимо больно видеть. Я сознаю всё это и даю обещание больше так не делать. И действительно некоторое время я воздерживаюсь от пьянства.

Я работаю на производстве, а после рабочего времени иду к частным лицам белить их квартиры, работаю до полуночи. Работать старался добросовестно, поэтому у меня завелось много клиентов-заказчиков на ремонт квартир. Работаю, живу нормальной трудовой жизнью, с работы иду домой, дома меня ждут родители, мать уже мне приготовила ужин. Я ужинаю, потом или остаюсь дома, или ухожу гулять. Родители не нарадуются на мою жизнь. Но вот проходит время - месяц или два - моей трезвой жизни, и я вновь срываюсь и напиваюсь, и так продолжается неделю или больше. Первое время я напивался после трудового дня, утром не пил. Мать и отец молят не делать так, говорят, что им стыдно перед соседями за меня, своего единственного пьяного сына. Я опять даю слово бросить пить, и говорю это искренно, хочу бросить, сознаю всей душой порочность этой привычки и всей душой хочу её оставить, но не тут-то было, мне это не даётся, я борюсь сам с собой и в борьбе этой часто остаюсь побеждённым этим грехом. Я опять напиваюсь. И такая моя жизнь - то есть трезвая сменялась пья-

ной - продолжается не год и не два, а многие годы. Отец начал говорить, что так продолжать жить со мной он не может, что он опять уедет на родину в деревню, что он крайне сожалеет, что согласился приехать ко мне. Он говорил мне: "Или уезжай ты от нас, чтоб мы тебя не видели, и ты не позорил нас перед людьми, или мы уедем с матерью от тебя". Я опять стал давать обещания, что такого больше не повторится. Случалось, что я действительно не пил несколько недель или даже месяцев, но потом вновь не выдерживал и опять прикладывался к хмельному. У меня появились дружки по городу - все такие же пьяницы, как я сам. Дружки эти ко мне особенно липли, зная мою щедрую душу. Я много их поил совершенно безвозмездно. Как подопью, так всех подряд готов угощать, и угощаю до тех пор, пока не пропью все деньги до копейки. Случалось так, что, пропивши все деньги и идя завтра на работу с больной головой и не имея ни копейки в кармане денег, я, завидя этих своих дружков-пьяниц, рано утром у буфета стоящих в очереди за пивом или вином, подходил к ним, надеясь, что они-то уж меня сейчас подлечат, то есть купят мне стакан пива или вина на похмелье, но, увы, дружки сразу отворачивались, делая вид, что не замечают того, который с ними вчера пропил все деньги. Уходя от них ни с чем, я прекрасно понимал цену таким своим друзьям и думал больше не иметь с ними дела, но так я думал до первой рюмки. Стоило мне выпить, и я опять забывал всё это и вновь их угощал.

Одно время отец мой был близок к самоубийству. Это он высказывал моему другу земляку. Отец мой жаловался ему, что он не раз приходил к мысли повеситься - настолько жизнь его со мной, вечно пьяным, опротивела ему. Этот земляк не раз уговаривал меня умерить мою выпивку. Он говорил: "Я тоже пью, но пью, зная меру, чувствую, что начинаю пьянеть,- бросаю. Делай и ты так". Я тоже искренне намеревался делать так, но не получалось это у меня. /Впоследствии этот мой земляк,уговаривавший меня не пить чрезмерно, а пить умеренно, как он, стал сам алкоголиком в связи со сложившейся его тяжёлой жизнью. Его жена, которую он очень любил, скоропостижно скончалась прямо на улице города в его присутствии, и он от скуки стал запивать и за несколько лет стал алкоголиком, а в конечном итоге покончил с собой - повесился/. Моя мать тоже говорила мне: "Сынок, твой отец, который тебя очень жалел и любил, хочет повеситься из-за твоей пьянки. Если это случится, ты всю жизнь до гроба будешь мучиться совестью за смерть отца". И я действительно испугался такому крайнему отцовскому отчаянью.

Все силы я прикладывал к тому, чтоб не пить вообще, ни грамма и никогда, но никак не мог бросить. Я дошёл до того, что утром, когда я похмелялся, я не мог уже держать в своей руке стакан с пивом или вином, руки и ноги мои тряслись, и пока я подносил это пиво или вино ко рту, часть выливалась на землю, стакан стучал о мои зубы от страшной дрожи в руках. Как выпивал стакан или два, дрожь прекращалась, и я приходил в норму, был весел и деятелен. Как только мой хмель проходил, меня вновь всего трясло, и не было охоты к труду и даже к самой жизни.

Я стал часто во время запоя не выходить на работу. Бы-

вало, что я пил неделю, а то и две, и не работал. Сперва меня покрывали товарищи, с которыми я работал /нас было пять человек в бригаде/. Придёт мастер на объект и спрашивает: "Где Шевченко?" Товарищи говорят: "Он отошёл только что в магазин". Придё завтра, послезавтра - опять меня нет, опять спрашивает: "Где Саша? Говорите правду, не обманывайте меня". Товарищи вынуждены признаться. Говорят: "Саша наш опять запил, вот уже вторую неделю нет на работе". Приходилось и мастеру скрывать меня перед высшим начальством. Иногда мастер или ребята приходили ко мне домой узнать, где я, но не удавалось меня самого лично повидать. У родителей спрашивают: "Где ваш Саша, что с ним случилось? Его целую неделю нет на работе". Родители говорят: "Не знаем, где он. Утром он всегда уходит из дому в семь часов, говорит, что идёт на работу, а поздно ночью возвращается пьяным, и мы с ним не можем говорить, где он был, так как он не в состоянии говорить". Не раз я допивался до того, что пропивал свои часы на руках, костюм, плащ. Когда же я возвращался к трезвой жизни, мне приходилось искупать свою вину перед товарищами самым самоотверженным трудом. Я тогда старался работать за пятерых и всегда благодарил и товарищей, и мастера, что скрыли мои проступки, ставил не раз и пол-литра на стол и угощал их за это.

Случилось однажды, что мне поручили отделать квартиру одного большого начальника. Завезли на его квартиру все материалы: краски, кафель и другое. Квартира была свободна, хозяев самих не было. К несчастью своему, я вновь запил. Квартира превратилась в притон алкашей. Здесь мы распивали бутылку за бутылкой вино. Пьянка эта продолжалась больше недели. Краску, которая стояла в квартире, и другие стройматериалы растаскали мои собутыльники, и когда пришёл мастер посмотреть, что я сделал за это время, то он узнал, что ремонт я ещё не начинал, что материалов нет, и только куча пустых бутылок лежит в коридоре. На этот раз мастер уже больше не стерпел и доложил начальнику конторы обо всём этом. Начальник дал приказ уволить меня с работы, занести в трудовую книжку, что уволен за пьянство и хищение, и удержать из полагавшейся мне зарплаты стоимость за все материалы, выписанные мне для ремонта квартиры. Как сказал начальник, так и было сделано. Меня рассчитали с работы с занесением в трудовую книжку статьи за пьянку и удержали за все стройматериалы, осталось мне совсем немного, что выдали в кассе на руки.

Я остался без работы, стал ходить по разным строительным конторам. Заглянут в трудовую книжку, посмотрят на меня - особенно на нос, который у меня начал делаться тогда уже фиолетовым,- посмеются и скажут: "Вы же пьёте. Куда вас брать?" Я говорю: "Нет, не пью". Они, улыбаясь, показывают на мой нос, говоря: "Ваш нос вас выдаёт. Вы же алкоголик, а не то, что говорите, что не пьёте".

Родители тоже уже знали, что меня уволили с работы. Горю моих родителей не видно было конца. Я продолжал пить на деньги, которые я зарабатывал ремонтом частных квартир; заказчиков у меня было хоть отбавляй. От горя мать моя порой говорила, что лучше бы ей было не рожать меня совсем, чем видеть меня всегда пьяным.

Тяжело и мне было на душе от сознания всей моей пороч-

ной жизни, начал я подумывать уже не раз о самоубийстве,видя, что жизнь моя в тягость делается и родителям моим, и мне самому. И в один день я и решил так сделать. Задумав это с утра, я выпил для храбрости. Чувствуя, что я сильно опьянел, я прилёг у храма с тыльной стороны, где меня никто не видел, лёг на цементную отмостку у фундамента и уснул. Проснулся от холода. Я замёрз и дрожал, холод меня протрезвил, и мне сразу же вспомнилось, что я решил сегодня покончить с собой. Признаться откровенно, мне сразу же стало страшно сделать это над собой. Я совсем не хотел умирать, мне ещё не было полных тридцати лет. Всё существо моё стало противиться мысли о самоубийстве, и я решил зайти к священнику, который жил здесь в домике, расположенном на территории, занимаемой храмом. В это время въехала с улицы во двор машина - оказывается, это привезли священника этого храма, он вышел из машины и направился к своему домику. И я на пути его обратился к нему с просьбой поговорить со мной. Он остановился и спросил меня, о чём я хочу спросить. Я сказал: "Скажите, пожалуйста, что нужно сделать человеку, чтобы спасти свою душу?" Он сразу же ответил: причащаться, исповедываться и исполнять заповеди Божьи. Я поблагодарил его за совет, и на этом мы с ним расстались. Отошёл я от священника с твёрдым решением, что прекращать свою жизнь я не буду, а лучше приложу все силы души на то, чтобы бросить свою дурную жизнь и отдаться с такой же полной силой и энергией другой, более хорошей жизни. Я решил, что жизнь надо понимать по-другому, а именно, по-религиозному,- только такое понимание даст силу в борьбе с грехами своими.

Так я и сделал.

Я уже говорил, что жил со своими родителями в семейном бараке. Барак был разделён на четыре части. В нашей части было восемь квартир. В одной из них жил молодой мужчина, лет двадцати шести, с женой и двухлетним ребёнком. Звали этого человека Женей, был он религиозным и принадлежал к какому-то религиозному обществу. И вот я решил обратиться к нему с просьбой такой: не даст ли он мне почитать Евангелие или другое что-нибудь из религиозной литературы, если такое есть у него? И я спросил его об этом. Он уже гораздо раньше знал о моей погибельной жизни, вступал со мной в разговоры, советуя остановиться на моей ложной дороге и предлагая почитать Евангелие, но я отказывался, говоря, что мне некогда его читать, и это была истинная правда: пьяная, развратная моя жизнь поглотила меня всего, и ни до чего мне больше дела не было. Но теперь, когда я оказался на грани физической и духовной смерти, я сам обратился к нему. Спасибо, он тотчас же дал Евангелие и пожелал, чтобы чтение этой книги благотворно отразилось на мою жизнь.

Читая Евангелие, я чувствовал и сознавал, что общий дух этого учения очень хороший, я находил в этой книге много высоконравственных истин, которым я искренне собирался следовать в своей жизни. Но многие места из этой книги мне были неясны.

По прошествии немногого времени, провитав Евангелие вместе со всеми Посланиями, Откровением и Псалтырем, я вернул книгу Жене. Женя предложил мне посетить вместе с ним их рели-

гиозное собрание. Я согласился. В воскресенье, во второй половине дня мы пришли с Женей в это собрание. Оно состоялось в частном маленьком домике из одной комнаты; хозяйка этого домика была членом этого общества. Общество это было совсем маленькое, человек из пятнадцати, преимущественно из пожилых женщин. Были среди них и две молодые девушки. Мужчин было четверо, я пятый. Вёл собрание, в основном, так называемый дядя Петя. Ах, какой он был прекрасный, располагающий к себе человек! Он весь был из одной кротости, смирения и любви. Голос его был мягкий, тихий, проникнутый благорасположением ко всем. Ему тогда было, как мне казалось, лет шестьдесят. Был он русый с сединой, сухолицый, бородка реденькая, небольшая, клинышком. Сам высокого роста, ещё прямой, не согнутый в спине. Богослужение их состояло в чтении отдельных мест из Евангелия, рассуждения над ним, потом - из пения религиозных гимнов и молитв каждого отдельного члена общества. В общей сложности богослужение продолжалось часа два с половиной. После этого все собравшиеся пожимали друг другу руки и, пожелав друг другу всего хорошего, расходились по домам.

Мне это всё понравилось. Я понял и всей душой почувствовал, что познакомился я с людьми совсем другого рода, чем мои прежние знакомые и друзья по бутылке. Люди эти были полные трезвенники, они не курили, не сквернословили, не говорили неправды - всё это по их религии считалось греховным, и потому каждый искренне избегал этого.

Я расположился всей душой к этим людям и стал посещать регулярно каждое воскресенье их собрания. На душе у меня сразу просветлело, полегчало. Меня перестало тянуть к спиртному, но курить ещё влекло. Порой я втихомолку покуривал, но при одной мысли, что кто-нибудь из членов группы увидит меня курящим, мне становилось стыдно, и я мало-помалу за короткое время бросил эту греховную привычку.

Устроился я и на работу опять по своей профессии - маляром. В доме нашем тоже просветлело, родители мои ожили и телом и духом. Я им рассказал, что вместе с Женей, соседом нашим, хожу на их религиозные собрания, и что у них очень хорошо, что все люди там нравственно хорошие, что мне открылся новый, лучший мир, когда я их узнал, и что я намерен остаться с ними навсегда, не покидать их. Я рассказал родителям о том, что всё то дурное, что рассказывают о них неверующие люди, - всё неправда, это явная клевета на них, а они учат одному хорошему, и потому я хочу быть с ними. Родители одобрили моё намерение и были невыразимо рады. Да и как им не радоваться, когда сын их воскрес к новой трезвой жизни.

На работе у меня всё шло хорошо, хорошие были отношения со всеми рабочими и начальством. Я старался жить мирно, быть уступчивым, вежливым со всяким. Был всегда трезвым, старался работать честно, максимально вкладывая силы в порученное мне дело. Трудовой день начинался с молитвы, в которой я просил Бога, чтобы Он из всех моих желаний душевных удовлетворил и такое моё желание, чтобы во мне пребывал дух трудолюбия и чтобы мне избавиться от духа праздности и лености. И эта молитва мне помогала, я действительно работал с любовью, с радостью, а не просто коротал время на работе.

Итак, я стал членом этого общества. Я любил это общество, а общество любило меня. Общество это было на свободных началах, оно не было зарегистрировано у государственных властей.

Как-то я пригласил свою мать побывать на этом собрании. Она согласилась. До этого она посещала православную церковь. Мать побыла на этом собрании вместе со мной, и ей тоже понравилось, и она стала со мной вместе ходить сюда. Затем мы с матерью пригласили о отца, и он тоже не отказался. Сходил с нами раз, второй - и тоже остался здесь. Мы уже всей семьёй примкнули к этому обществу.

Ни от кого ничего не требовалось. Была свободная малая община. Никаких уставов не было. Каждый волен ходить, волен и не ходить, но все старались прийти, так как все любили эти собрания.

Всё шло хорошо. Но вот однажды позвали в милицию или КГБ дядю Петю и Женю, то есть наших старших братьев по вере. Там их расспросили об их вере и сказали, чтобы больше не собирались вместе, а чтобы, если хотят, то ходили в православную церковь или к баптистам,- эти, мол, веры властью допускаются и они являются официальными, а вы, мол, неофициальная группа, и потому чтоб больше не собирались. В следующий раз, когда мы все собрались, нам всё это рассказали Женя с дядей Петей. Начали решать, как быть. Пришли к общему мнению, что будем продолжать собираться, так как не видели в этих общих воскресных сходках противозаконного, и отнесли такое требование властей к их личной прихоти. И продолжали вновь собираться. Через некоторое время вызвали самих хозяев дома, в котором проходили наши собрания,- двух старых женщин, двух родных сестёр. Их тоже предупредили о том, что, если они будут разрешать собираться верующим в своём доме, то их за это накажут. Хозяйки так же продолжали разрешать собрания в своём доме.

На наших собраниях не только читалась одна Библия, но иногда и другая религиозная литература. А однажды, помню, читал дядя Петя статью Л.Н.Толстого "Благо любви" /обращение к людям-братьям/. Читая, дядя Петя не мог удержать своих слёз, которые капля за каплей катились по его худому лицу и падали на книгу. Не могли и мы, присутствующие, удержаться от слёз. Проникновенные слова Л.Н.Толстого тронули души всех присутствующих здесь людей, все невольно согласились с тем, что только любовь одна должна руководить человеческой жизнью - любовь, а не злоба. Дядя Петя, закончив читать эту коротенькую статью Толстого, закрыл книгу и, тяжело вздохнув, произнёс: "Да, Лев Николаевич", и замолчал. Очевидно, он хотел сказать: "Да, Лев Николаевич, ты неопровержимо прав, и как же мы все далеки от той блаженной жизни, основанной на одной братской любви, к которой ты так горячё призываешь людей-братьев". Думали, наверно, и все присутствующие здесь так. Чтение закончилось. Все молчали, утирали платками слёзы со щёк, а в душе моей продолжали звучать слова Толстого из этой статьи.

Слова эти запали в мою душу на всю жизнь. Это были те слова, которые всю мою жизнь впоследствии перевернули. Я их много раз в жизни перечитывал.

Никогда, ни от кого я не слышал прежде, что Толстой писал такое. Знал я о Толстом лишь то, что знали все, - что он был писатель, что он написал "Войну и мир", "Анну Каренину", "Во-

скресение", повести и рассказы и больше ничего, он мне представлялся просто просто писателем - таким же, как Чехов,Горький, Маяковский. Но о его вере я ничего не знал и не слышал от других. Я попросил у дяди Пети эту небольшую книгу, где были собраны статьи и письма религиозного содержания, почитать на малое время, и он мне не отказал. Я прочёл. Впечатление было огромное. Я плакал навзрыд от статьи Льва Николаевича "Любите друг друга".

Всё прочитанное произвело на меня неизгладимое, радостное впечатление, и с тех пор началось моё искание религиозных книг Толстого. До этого у меня не было ни одной его книги.

Но недолго нам суждено было всем вместе читать и радоваться от прочитанного. Вскорости дядю Петю, Женю и другого мужчину из нашей группы забрали органы КГБ и состряпали на них дело. После этого их передали суду. Суд определил им троим по десять лет тюремного заключения.

Дядя Петя во время войны был призван в армию, но по своим религиозным убеждениям отказался. Его сперва хотели расстрелять за этот отказ, но он остался твёрд до конца, то есть не согласился брать оружия, и ему дали десять лет тюрьмы, которые он полностью отсидел. Так рассказывал нам дядя Петя свою историю отказа от оружия. Но теперь он уже был стар и слаб здоровьем, которое подорвали мучительные условия его первого заключения. Но, невзирая на возраст и слабость здоровья и совершенную невинность, он всё-таки, в силу хорошо состряпанных на него статей, был осуждён во второй раз на десять лет. Второе своё заключение дядя Петя не досидел до конца. Он умер в заключении и похоронен где-то в безымянной могиле в холодной Сибири. Так кончилась жизнь этого святого, праведного человека на этой греховной земле. Но, слава Богу, святые не умирают, для святых нет смерти.

Женя отсидел все десять лет и вернулся к семье.

Я отделался тем, что у меня чиновниками КГБ во время обыска были забраны многие религиозные книги, которые мне так и не вернули.

После осуждения руководителей наша группа стала распадаться, и я решил примкнуть к обществу баптистов. Я стал регулярно - по четвергам, субботам и воскресеньям - посещать молитвенный дом баптистов. Эта община была большая - более двухсот человек. У них был хороший хор. Община эта была официальной, зарегистрированной у властей. В Москве был их центр, и у них был выработанный Устав. Вступление в члены общины регистрировалось и передавалось всё в горисполком уполномоченному по религиозным культам. Для того, чтобы стать членом этого общества, требовалось от человека, чтобы он покаялся в своей прошлой греховной жизни и принял водное крещение. Каяться требовалось в присутствии всех членов этого общества. У них было много проповедников, которые читали некоторые места из Библии и потом поясняли их своими словами. Многие из них говорили довольно хорошо, а некоторые даже и красноречиво, чувствовалось, у них уже был большой практический опыт публичных выступлений.

Поучения были хорошие, нравственные, призывали жить по-Божьи. Всё это мне нравилось, их нравтсвенное учение о жизни я всецело разделял. Одно мне было сперва непонятно - это то,

что у них вместе с нравственными поучениями передавалась такая теория, по которой выходило, что спасутся только те люди, которые веруют в искупительную жертву Иисуса Христа, кто в неё не поверит, тот, невзирая ни на что, не спасётся, то есть участь того человека будет в аду. И в то же время часто можно было услышать проповедь на тему: что посеешь - то и пожнёшь. Под посевом подразумевалась человеческая жизнь с её делами - добрыми и злыми -в этой земной жизни,- а под жатвой подразумевалось то, куда человек попадёт в загробном мире.Я понимал это так: Бог ничего не ребует от людей, ктоме одного того, чтобы они жили по Его закону, по Его воле. Воля же Его и закон в том, чтобы все люди жили во взаимной любви и братских отношениях между собой, и потому не делали другому того, чего они себе не желают. И потому я никак не мог сперва понять,зачем они постоянно произносят эти непонятные слова. Только немного позже я узнал, что эта теория является краеугольным камнем их вероучения, это для них основа всех основ.

Но, невзирая на моё непонимания их теории, меня влекло к этим людям. Люди эти были хорошие. Все они не пили хмельного: они не пили ни водки, ни вина, ни пива. Это я в них приветствовал от всей души. Они не курили и никогда не ругались матерными словами. Они никогда не рассказывали похабных анегдотов и отказывались слушать их от других. У них проповедывалось целомудрие до вступление в брак, а брак должен был быть один и неразрывный. Разводы запрещались. По их вероучению требовалось всегда быть правдивым. За всякую неправду и клевету, если это было доказано, человек подлежал даже так называемому отлучению от церкви, и его никто не приветствовал ни целованием, ни рукопожатием.

Многое у них мне нравилось, и я пожелал вступить в члены этой общины. Во время приёма в члены у них есть так называемое "испытание", которое состоит в том, что вступающему задают вопросы, и он должен отвечать. Испытание это производится исключительно при одних членах общины, посторонние не присутствуют - их просят выйти. После вопросов и ответов выйти просят вступающего, и оставшиеся решают, можно или нет его принять.

Так было и со мной. Мне начали задавать вопросы религиозного характера. Я отвечал. Чувствовалось, что ответы мои их удовлетворяли. При моём испытании присутствовали пресвитер местной общины и пресвитер областной. Областной пресвитер у меня спросил, сколько мне лет. Я отвечал. Потом спросил, как я отношусь к военной службе. Я ответил, что отношение моё к военной службе христианское. Вопрос: "Поясните нам выше христианское отношение?" Я ответил, что отношение моё крайне отрицательное к этому, что христианину нельзя быть военным, что Христос учил своих последователей любить людей, а не убивать. Ответ мой явно не понравился областному пресвитеру,и он замолчал. Продолжались вопросы рядовых членов. После этого испытания областной пресвитер сказал, что с приёмом моим повременят, а меня просил остаться после собрания.

Когда осталось совсем немного людей - в основном проповедники,- продолжились вопросы ко мне и мои ответы им.Пресвитеры ссылались на Библию, приводили отрывки, где, якобы, Бог одобрял сражение и благословлял войны. Я отвечал прямо то,что думал. Отвечал, что в такого Бога, который благословляет войны, я не верю. Я верю в того Бога, которого проповедовал

Иисус Христос, а именно, верю в то, что Бог есть любовь, мой Бог есть Бог мира, а не войны. Вопрос: "Ну, а как же, если враги нападают?" Ответ: "У меня врагов нет, для меня все люди братья, Христос заповедовал любить врагов". Долго шли наши дискуссии. Кончилось тем, что мне сказали: "Принять вас членом в своё общество мы не можем, раз вы так рассуждаете. У нас все члены служат в войсках и не отказываются. Ходить вы на наши собрания можете как слушатель, а в члены мы вас принять не можем".

И я продолжал посещать их собрания, но полноценным членом их общины не был: при обсуждениях их внутренних общинных вопросов я не присутствовал, меня просили выходить, как и всех посторонних.

Однажды у меня появилась такая мысль: зачем я обманываю людей? Ведь у меня уже сложилось твёрдое убеждение о том, что христианство и война - это разное и никогда не соединимое, а потому быть военным истинный христианин не может, и я им не буду. А если так, то почему же я не приду в военкомат и не заявлю там прямо, откровенно, по-христиански: "Вот ваш военный билет, который вы мне когда-то вручили. Возьмите его, я не считаю теперь себя военнообязанным, потому что я христианин. Я снимаю с себя всякие военный обязанности, а то я обманываю вас, и вы рассчитываете, что у вас есть военнообязанный некий Шевченко Александр Викторович, который во всякое время, когда это вам понадобится, будет выполнять вашу волю как военнообязанный, а я уже давно решил не делать это и только помалкиваю об этом, а это нехорошо, что я молчу и тем самым обманываю ваши надежды". Вот так, мне представлялось, должен бы поступить истинный христианин на моём месте. И я решил поступить так.

Не помню, в какой это было день. Я взял военный билет и пошёл, с целью оставить его, в военкомат. Прихожу. Там сидят женщины - работницы военкомата - и что-то пишут за своими столами. Подхожу к одной из них, подаю свой военный билет и говорю:

- Вот мой билет, я отказываюсь от него.

Удивлённая женщина смотрит на меня и спрашивает:

- Почему отказываетесь?

- Я стал верующим человеком и потому не могу по своей вере быть военнообязанным.

- Что за вера у вас такая?

- Христианская.

Женщина взяла билет мой , ушла и мигом вернулась назад, говоря мне:

- Зайдите к военкому в кабинет на второй этаж.

Захожу в кабинет. За столом сидит широкоплечий полковник с сердитым лицом. Здороваюсь. Предлагает садиться. Я сел. Спрашивает меня, зачем принёс билет. Отвечаю, что по своим религиозным убеждениям отказываюсь быть военнообязанным и потому возвращаю билет.

- А вы знаете, что за это мы можем вас судить?

- Не знаю, но допускаю и это.

- А раз не знаете, так вот, заберите военный билет свой и больше так не делайте.

Я категорически отказался.

После некоторых уговоров полковник, разгневавшись, предложил мне покинуть его кабинет. Я ушёл.

Прошло после этого месяца два, и я получил повестку из военкомата. Требуют меня на военную переподготовку на месяц. Я беру повестку, иду в военкомат и вновь предстаю перед военными чиновниками. На этот раз я уже имел беседу не с одним полковником, а с другими офицерами. Я им сказал, что отказываюсь проходить военную переподготовку по религиозным причинам. На меня все напустились, стали стыдить, говорили:

- Ты, такой здоровенный детина, отказываешся служить, а кто же за тебя пойдёт служить?

Или:

- Мало, что ты не хочешь? И я, может, не хочу, а надо.

Я говорю:

- Если и вы не хотите, то и вам не надо служить.

- Все служат, а, видите ли, один нашёлся не служить! Не пойдёшь - судить будем!

- Дело ваше. Хоть судите - хоть не судите, а я отказываюсь проходить переподготовку.

Опять разошлись ни с чем.

Недели через две меня опять вызвали в военкомат. На этот раз беседу со мной вёл один офицер, а за другим столом сидел человек в штатском одеянии /как я впоследствии узнал, это был представитель из КГБ по религиозным вопросам/. Советовали не отказываться, - в противном случае дело передадут в суд. Я продолжал твёрдо отказываться. Разошлись мы на том, что решили дело передать в суд.

Прошло немного времени, и мне пришла повестка, указывающая явиться в прокуратуру к одному следователю. Следотель сказал, что из военкомата передано на меня дело за отказ от переподготовки. И вот, ему поручено провести следствие по этому делу. Со следователем было то же, что у меня было с военными. Те же вопросы и те же мои ответы.

- Тебе за один месяц могут дать пять лет, - сказал следователь. - Подумай, может, ты согласишся всё же пойти на один месяц. Да причём, это же не война, там тебе не придётся убивать, а может, даже и совсем тебе не придётся видеть винтовки. Может, будешь что-либо делать по своей строительной работе. Я бы тебе советовал не отказываться, а то можешь ни за что пять лет отработать - смотря какой судься будет судить.

Я благодарил следователя, что он так относится ко мне - чувствовалось, что искренно, сострадательно. Но я ему объяснял, что не могу поступить иначе, мне легче отсидеть пять лет, чем исполнить службу солдата хотя бы один месяц. Чувствовалось, что следователь меня не понимает. При прощании он сказал:

- Ждите не позже как через неделю повестку в суд. У меня с тобой всё закончено.

Родители всё происходившее со мной знали, я всё им рассказывал. Отец говорил, что не надо отказываться, и советовал идти служить этот месяц. Матери тоже было жаль меня, что посадят меня за этот отказ в тюрьму. Но, видя моё непреклонное решение отказаться, сказали: "Смотри сам, тебе сидеть, но нам тебя жалко отправлять в тюрьму".

Был август, кругом было тепло, красиво. Не только люди, но и вся природа была радостна. Невыразимо радостно было и у меня на душе. Я всей душой желал пострадать за свои мирные,

религиозные убеждения. Я всегда завидовал христианским мученикам, которые мужественно умирали за свою веру, мне тоже хотелось хоть в малой доле быть похожим на них.

Действительно, не позже, чем через неделю, я получил повестку явиться в суд. Повестка была получена за два дня до суда. Эти два дня также прошли в великой духовной радости для меня. Родители приуныли. Мать много молилась Богу, очевидно прося Его, чтобы меня миновала неизбежная тюрьма. Я же, напротив, молился о том, чтобы мне Бог дал больше духовных сил,чтобы я мог перенести всё это, что меня ожидало, с кротостью и любовью, без всякой злобы и недоброжелательства ко всем людям - в том числе и к тем людям, которые меня осудят в тюрьму, и тем, которые будут с оружием вести меня под конвоем.

Суд был назначен на вторую половину дня. Родители мои тоже пошли со мной, надеясь присутствовать на моём суде. В коридоре судебного здания уже стояли некоторые верующие - как из общества баптистов, так и из моего первого маленького общества, к которому я примкнул вначале. Все как-то сострадали и жалели, что меня сейчас осудят, и желали мне твёрдости духа в этом предстоящем мне испытании. Я же испытывал невыразимую радость в душе и молился внутренне, чтобы эта радость не покидала меня и впредь.

Настал час суда. Я уже сидел на своём месте подсудимого, а судья с народными заседателями и прокуро занимали свои места. Зашли и все мои знакомые и родные, но их всех попросили выйти, сказав, что суд будет закрытым. Даже родителям не разрешили присутствовать в зале суда. Остался только суд - в полном своём составе - да я, подсудимый. Зачитали протокол, составленный на меня следователем, и начали судить.

Перед судом ко мне подошёл человек и спросил:

- Вы желаете себе защитника?

- Никакого защитника мне не нужно, - ответил я.

Но защитник всё же - помимо моего желания - был, и за его услуги у меня из заработанных в заключении денег удержали известную сумму. Так же, как и до суда различные государственные чиновники задавали мне вопросы, так и на суде. Говорили, что мой отказ является крайне противозаконным, что служба в вооружённых силах является священной обязанностью всех граждан нашей страны, что это долг перед родиной. Мои же ответы были в том духе, как и учили все мудрейшие и святейшие люди всего человечества, что родиной для меня является вся вселенная. Я отвечал перед судом со всей откровенностью ту правду, которую я узнал и в которую всей душой верил и верю, что я не делю людей по национальностям, вероисповеданиям и государствам, а стремлюсь смотреть на каждого человека как на брата и любить его, а не готовиться убивать своих братьев. Судьи говорили, что от меня не требуют сейчас, чтобы я убивал, так как войны нет. Я говорил, что,хотя меня сейчас не заставляют убивать, но меня хотят приготовить именно к этому делу. Я говорил, что закон Бога для людей в том, чтобы они любили, а не убивали друг друга. Я желаю быть исполнителем закона Бога, а не его нарушителем, вот поэтому я и отказываюсь от переподготовки. Выступали и все народные заседатели и прокурор и адвокат. Никто мой поступок не одобрял, и все сходились в одном мнении, что меня следует наказать. Состав суда был из людей неверующих, не видно было и капельки в них какой-либо религиозности, - это и не могло быть иначе в стране массового атеизма. Мои религиозные мотивы отка-

за служить совершенно не брались во внимание судьями. Я ясно видел, что они не понимают эту великую религиозную истину о том, что во всех людях живёт одна и та же душа, что над всеми нами один Бог, Который каждого из нас послал в этот мир для исполнения в нём Его великого дела, и дело Его только в одном - чтобы мы любили друг друга и не только не убивали, а даже не гневались на братьев-людей. Любовь должна стать общим законом всех людей. Я не встретил в моих судьях такого понимания жизни. В их сознании ещё крепко жило понятие, что есть Советский Союз, есть Америка, есть Китай, и что быть патриотом, быть приверженцем этого давно отжившего в сознании мудрейших людей суеверия - есть высшая цель жизни и священный долг человека. Не понимали они моих мыслей - и потому не одобряли их - не потому, что они были слишком сложны, трудны, но потому, что их десятилетиями учили другому. Они мне представлялись тёмными, жалкими людьми, несмотря на университетское образование некоторых из них.

Адвокат выступил и сказал, что, хотя мой поступлк заслуживает наказания, учитывая мою молодость и искренность убеждений, он просит суд вынести приговор до минимума малым.

Суд удалился на совещание. После этого стали заходить в зал суда по одному те люди, которые ожидали в коридоре. Судьи зашли, заняли свои места, и один из них зачитал приговор, который заканчивался словами: "Народный суд постановил приговорить военнообязанного Шевченко Александра Викторовича за отказ от прохождения тридцатидневной военной переподготовки - на пять лет лишения свободы в трудовых исправительных колониях".

Всех попросили освободить зал. Ко мне подошёл милиционер, и сказал, чтобы я шёл впереди его. Я, как преступник, был выведен из зала суда в сопровождении милиционера. В коридоре, на выходе из судейского здания, я поцеловал обнявшую меня, горько плачущую мать и просил не унывать, уверяя, что мне хорошо, что я вовсе не чувствую себя несчастным, что иду я с глубокой уверенностью и что мне и в тюрьме будет хорошо, что Бог не оставит и поможет мне радостно, без печали отбыть свой срок. Затем я простился с отцом, который так же безутешно плакал. Возможно, отец и не ждал, что мне дадут за один месяц пять лет. Эти воспоминания - даже сейчас, когда я пишу эти строки, - вызывают у меня слёзы. Я вспоминаю, сколько мои бедные родные пережили от меня за свою жизнь: раньше от моей пьяной разгульной жизни, теперь же от моих убеждений, которые они невполне понимали; я их вполне понимал, как им было тяжело видеть человека с оружием, который торопил меня с прощанием, и что пять лет я буду под надзором этих вооружённых людей. Я второпях простился с родными, пожал руки некоторым единоверцам и со взаимными пожеланиями мы расстались. На улице уже стояла машина, и возле неё было несколько милиционеров. Для меня уже широко раскрыли дверь "чёрного ворона", и я, подойдя к ней, ещё раз обернулся и всем провожавшим меня помахал рукой. Милиция всё время торопила меня, дверь быстро захлопнулась за мной, и машина покатила в тюрьму, которая была рядом с моим домом /я ежедневно утром и вечером проходил мимо её стен, когда был на свободе/. С сегодняшнего дня я стал уже заключённым.

Привезли меня в камеру тюремную, где было полно людей. Сразу же начались расспросы - за что попал? Отвечать стал, что попал я в это место за правду Божию. Не понимают, что это значит. За отказ от военной переподготовки, - поясняю им.

- Какой веры? - спрашивают.

Я рассказал, что посещаю собрания баптистов, но членом их общества не являюсь, а просто как вольный слушатель.

Сперва как-то сторонились меня, но скоро привыкли и принимали за своего. Мои родные два через два передали передачу чего-то съестного, я всё разделил между всеми. Отношение стало совсем хорошее ко мне, никто никогда не позволял насмехаться над моей верой, только удивлялись на меня, что я неумно и нерассчётливо сделал, отказавшись от одного месяца переподготовки, а согласен идти в тюрьму на пять лет.

Не раз и я думал о тех людях, которые называли себя гуманистами, которые - как во времена царской власти, так и в наше время - судили людей, которые не только на словах, но и на деле показывали своё истинное миролюбие, отказываясь брать оружие в руки. У меня было так хорошо и радостно на душе, что я совершенно не чувствовал на этих всех людей недоброжелательства. Я объяснял себе всё это тем, что все они - от самой кремлёвской верхушки и до составителей законов и тех, которые их применяли на деле, то есть судей и тюремных надзирателей - все эти люди не знали истины; они сами того не сознавали, что творили зло. Я много раз вспоминал слова из Евангелия: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают!" Настоящему христианину нельзя не прощать, ибо весь дух учения Христа проникнут прощением и любовью к людям.

Пробыл я в местной тюрьме что-то не больше недели. Потом стали некоторых забирать /и меня в том числе/ и готовить к этапу. Перед тем, как нас стали вывозить из тюрьмы, один тюремный офицер рассказал нам, как себя вести. Он сказал,что шаг в сторону от того направления, в котором нас будут вести, будет считаться за попытку к побегу, будут стрелять без предупреждения.

На тюремном дворе нас загрузили в воронок, а затем повезли на железнодорожный вокзал. Из воронка, который вплотную подгоняли к вагону, нас направляли прямо в вагон с решётками - для заключённых.

Пока меня везли, я насмотрелся всех тех ужасов, которые как всегда царят во всех тюрьмах. Ужасная матерщина, драки. Героями считались те, которые больше убили, украли, солгали, развращались. Добирался я до своего места заключения долго - кажется, месяца два.

Наконец я добрался до конечного пункта своего следования к месту заключения. Это была станция Вислянa в Коми АССР. Когда судили каждого за своё, то судьи упоминали такие слова: "...исправительные лагеря". Здесь я воочию узнал, как здесь "исправляются" люди. Не приведи Бог такого исправления.

Прибыл я сюда в октябре месяце, вечером. Погода была ужасно холодная - пронизывающий ветер с ливневым дождём. Пока нас не вели дальше, и мы порядочно простояли на улице, мокли под холодным дождём. Наконец нас завели в маленький лагерь. Здесь стояли два не очень больших деревянных барака, и нас разместили в них. Здесь уже находились заключённые. Каждому была железная кровать с матрасом, простынёй и одеялом.

Нас повели в столовую. Хлеба давалось - сколько угодно.

Суп с крупой и картошкой, и даже заметно было что-то мясное. Правда, мне это мясное уже не надо было , я был вегетарианцем.

Назавтра нас повели в баню, и мы целый день не работали, отдыхали от дальнего пути.

На обязанности заключённых нашего лагеря лежала только одна работа: выгружать вагоны, приходящие на станцию Вислянa. Здесь разгружались,в основном, вагоны с продтоварами и одеждой, которые предназначались для многих лагерей, которых было много вокруг. Когда я в первый раз прибыл на эту разгрузочную станцию, нам давалось разгружать вагон с сахаром. Мешки были большие - до ста килограммов. Я, конечно, первые дни думал, что не смогу быть грузчиком. Я чувствовал себя слабым от скудного питания по пересылкам и под мешками этими шатался. Вечером возвращался домой - в зону. Работали, как и на воле, с 8 до 17. По воскресеньям иногда, если приходили вагоны, то работали, но в основном были выходные. Вскоре я привык к этой работе, и мне она уже не была тяжёлой.

Однако мне пришлось не долго работать грузчиком. Заключённый, который был заведующим продовольственным складом в нашем лагере, однажды, зайдя в наш барак, предложил мне перейти к нему работать, говоря, что моя обязанность будет в том, чтобы помогать во всех работах по складу, подметать помещение, чистить гири, а зимой расчищать дорогу к складу.Главное, ему хотелось, чтобы я был добросовестным, чтобы мне можно было доверить склад и ключи. Впоследствии так и было: он поручал мне отпускать продукты, а сам, пьяненький, часто где-нибудь в бане лежал припрятанный, он любил выпить. Я старался делать всё хорошо, добросовестно. Он и надеялся, что я такой. Ведь он выбрал меня не случайно, но прежде узнал, за что я сижу, в чём провинился, а когда узнал мою вину, сразу предложил мне эту работу. Он говорил, что до меня много было охотников к нему в помошники, но он не был вполне уверен в их честности и потому отказывал им.

Моя жизнь в заключении сложилась такая лёгкая, что я иногда прямо-таки сожалел об этом, думал: "Какое же это у меня заключение?"Я представлял себе заключение много тяжелейшим и к этому готовил себя. Но, видно, не судил мне Бог испытать таких тяжких испытаний, то-ли видя мою духовную слабость, то-ли просто не удостоил меня такой чести пострадать хорошенько за Его правду. Впоследствии, уже после своего заключения, я читал воспоминания многих страдальцев за любовь и правду Божию, таких как Мазурин, Янов, Моргачёв, Драгуновский, Мозговой и многие другие, которые отмучились многие годы, испытали голод, холод, непомерный труд.

Потом я всё же бросил работу на складе и перешёл опять в грузчики. Причина была та, что у меня в последнее время работа была близкая к милицейской, а именно, заключённых стали выводить работать за зону в склад, где хранился картофель, подсолнечное масло и другие продукты. Заключённые должны были перебирать картошку в этом складе, а мне кладовщик поручал, чтобы они ничего не брали, то есть не воровали. Я видел, что они воровали, наливали масло себе в бутылки. Одни отвлекали меня, а другие тем временем запасали себе масла. Я был один, а их много, мне была эта служба надзирателя тяжела, и я стал просить своего хозяина склада отпустить меня от этой работы,

и он, после многих уговоров остаться, наконец отпустил меня и взял себе одного из тех, которые перебирали картошку.

Я стал ежедневно ходить на разгрузку вагонов. Эта работа хоть и была тяжелее для тела, зато легко было на душе. А я уже теперь вполне предпочитал душу своему телу. Поработал я грузчиком совсем мало - около месяца - и моя статья подпала под амнистию. Пробыл я в заключении всего лишь полтора года. Мне выдали бесплатный билет до Севастополя и малую сумму денег, которые мне там платили. И после полуторагодичного заключения я распрощался с Коми АССР и станцией Вислиной.

Нет надобности писать о том, насколько родители мои были рады моему возвращению из заключения. Они были бесконечно счастливы. Я устроился на работу кочегаром в одно жилищное управление и всю зиму проработал кочегаром. Затем опять перешёл в строительную организацию и работал маляром.

Некоторое время я не посещал собрания верующих людей, баптистов. Мать моя и отец продолжали регулярно ходить туда: мать была уже членом их общины, а отец оставался всё так же вольным слушателем.

Прошло некоторое время, и я возобновил опять своё общение с верующими, стал ходить на их собрания. Мне всё чаще и чаще стали приходить мысли о женитьбе. Но выбор у меня ещё не был сделан. Одно у меня было твёрдое решение - это жениться на верующей, чтобы у меня жена была истинно верующая, настоящая христианка. Меня уже не прельщала красота, как это было раньше, и уже совсем меня не интересовало, чтобы невеста была богата; желание было одно - чтобы моя будущая жена не препятствовала, а способствовала мне служить Богу, чтобы мы вместе любили Бога всем сердцем и душою, чтоб Он был в сердцах наших на первом месте, чтоб мы думали только о Нём одном.

Познакомился я с верующей девушкой в Бахчисарае, и мы решили пожениться. Там же, в бахчисарайском доме молитвы состоялась наша сватьба. Верующие были приглашены из Севастополя, Ялты и других городов. Был большой хор. Бракосочетание совершал пресвитер Бахчисарайской церкви и давал нам много добрых наставлений.

Вначале мою невесту отговаривали выходить за меня замуж, говорили, что я бывший алкоголик, что могу вновь начать пить. Это говорили моей невесте некоторые севастопольские верующие. Препятствовал также нашему браку и областной пресвитер, говоривший, что не даст согласия на наш брак по той причине, что я был судим за отказ от военной службы, и много показывал моей невесте газетных статей обо мне, которые стали появляться, когда я стал верующим и бросил свою порочную жизнь. Невеста отвечала ему, что всё это она уже знает обо мне /я сам ей рассказывал историю своей жизни/.

Все эти предположения о том, что я вновь начну пить, не подтвердились, и от начала и до настоящего периода нашей семейной жизни не выпил никогда ни глотка ни водки, ни вина, ни пива, также не выкурил ни одной папиросы, и не только не позволял себе изменять своей жене за всё время нашей супружеской жизни, но даже не допускал в своём сердце об этом мысли.

Я уже говорил, что до своего знакомства с баптистами я

впервые услышал чтение статей Льва Толстого "Благо любви" и "Любите друг друга". С тех пор сердце моё зажглось любовью к жизнепониманию Толстого. Я стал искать его религиозные книги и некоторые с трудом нашёл.

Иногда со мной заговаривали проповедники, начиная с какого-либо безразличного предмета, осторожно подходя к теме о Толстом. Я горячё, с большой любовью о нём отзывался, стараясь передать эту любовь и проповеднику. Но нет, проповедник настойчиво развивал мне свою точку зрения на Толстого,совсем противоположную. Я недоумевал. Чем дольше я общался с этими людьми, тем большее возникало непонимание. Но я продолжал оставаться в их рядах. Я постоянно слышал их проповеди о том, что спасёмся, то есть попадём в рай, только мы, христиане их толка; другие же люди, понимающие христианство иначе, чем они /как, например, Толстой/, не спасутся, то есть попадут в ад на вечные мучения. По их пониманию, единственное средство спасения вовсе не в любви к Богу и людям, как я это понимал и понимаю, а в том, чтобы верить в искупительную жертву Иисуса Христа. Люди других вер, несмотря на их стремление к Богу, не спасутся, и их место будет ад. Такие утверждения вызывали в моей душе постоянное недоумение и недоверие к ним. Я никак не мог согласиться, что такие утверждения были действительно от Бога. Я больше был склонен думать, что они чисто человеческие. Ибо я никак не мог допустить такой жестокости со стороны Бога к людям других религий. Мне люди других религий представлялись такими же близкими и любимыми братьями, как христиане. Неужели люди иной веры мне совсем чужие и не братья мне лишь потому, что я называюсь христианином, а они иначе? Нет, я этим я не согласен.

Нас стали посещать то братья, то сёстры с целью вразумить меня, указать мне, что я заблуждаюсь, думая так, и что это очень опасное заблуждение, и что если я не раскаюсь в своём заблуждении, то мне грозит вечный ад с его вечным огнём. Все эти посещения верующих не увенчались никаким успехом, я не мог изменить своих мыслей - и не потому, что не хотел, но именно потому, что не мог. После всех этих бесед, которые порой длились до поздней ночи, мы расставались с тяжестью на душе - как мои обратители, так и я, - они оттого, что я оставался при своих мыслях, и они не могли меня переубедить, а я оттого, что эти люди позволяли влезать мне в душу, несмотря на мой протест. Я чувствовал, что люди здесь не должны нарушать внутреннее общение человека с Богом.

Я всё более и более узнавал, что эти люди не любят Толстого за его религиозные взгляды, потому что они отличаются в вопросах догматического характера. Я всё больше и больше стал понимать то, что Толстой видел причину разделения верующих людей между собой именно в догматах, что нравственное учение о том, как надо жить людям, одно и то же во всех верах, и на почве нравственного учения о жизни у верующих людей не возникают такие споры и несогласия, и потому он старался со всею силою свой гениальности разъяснять это людям. Он говорил, что главное не вера в догматы, а вера в само учение о жизни. Толстой признавал из всех догматов только один: любовь к Богу и ко всему живому.

Однажды, когда я был на работе, зашёл к нам в дом проповедник, пользовавшийся большим уважением среди верующих. Я был с ним очень дружен, пока он не обнаружил мою любовь к Толстому. Он разговорился с моей женой и спросил, по-прежне-

му-ли я так отношусь к Толстому или понял своё заблуждение и оставил его. Жена сказала, что я ещё больше люблю его и читаю его книги. И проповедник дал ей такой совет: "Сестра Надя! Возьми ты все его книги Толстого и сожги в этой печке, которая сейчас топится. Греха за это перед Богом не будет никакого, а напротив, будет только твоя заслуга перед Ним, ведь Толстой предан анафеме, и потому, сжегши эти книги, ты сделаешь хорошее дело перед Богом". Благо, что у моей жены сохранилось ещё благоразумие, и она не вняла совету авторитетного проповедника, а только сказала: "Дорогой брат! Я не могу этого сделать, зная любовь моего мужа к Толстому и его книгам. Этим я нанесла бы ему рану".

Итак, книги мои, слав Богу, уцелели.

Лев Николаевич, конечно, не мог обижаться на этих людей и только мог сожалеть о них за их душевное состояние ненависти к нему, к человеку, не сделавшему им неикакого зла, а всегда желавшему им истинного добра. Сколько раз он ходатайствовал перед властями о том, чтобы им разрешали свободно веровать, как они считают правильным, а не как предписывала им православная церковь. Сколько раз ко Льву Николаевичу обращались многие, в том числе и баптисты, которые просили его, чтобы он помог им вернуть их детей, которые были забраны у них по предписанию высших православных чинов по причине несогласия их верований с православной верой, и Лев Николаевич всегда помогал им, в чём только мог, писал письма и к самому царю, и к министрам, увещевая их не делать над всеми этими людьми насилия и уважать их верования, убеждая всех этих высокопоставленных лиц, что в вере не должно быть насилия, что путём насилия в людях не вызовешь веры. Сколько раз Льву Николаевичу приходилось ходатайствовать перед властями по просьбе этих верующих людей, чтобы им разрешили открывать свои молитвенные дома, и они могли свободно собираться в них и служить Богу так, как им говорила совесть, а не люди, облачённые властью. Да, всего этого не помнили люди - как при жизни Толстого, так и после его смерти.

Я перестал ходить на собрания баптистов, жена ходила одна.

Так продолжалось более десяти лет, и я думал, как бы мне встретиться хоть с одним человеком, читающим и любящим религиозные книги Толстого. Но я так и не мог долгое время узнать о таких людях, есть-ли они в нашей стране и вообще в мире.

Однажды я читал статью Толстого в шестнадцатом томе двадцатитомного издания. Я обратил внимание на имя одного из редакторов - Н.Н.Гусева. Я уже знал о том, что Толстому много помогал - особенно в огромной переписке - молодой человек по имени Николай Николаевич Гусев. И мне сразу пришла мысль: не есть ли этот Н.Н.Гусев, один из редакторов собрания сочинений, - тот самый Николай Николаевич? Мне в то время не верилось, что могли ещё жить люди, работавшие вместе с Толстым. Я решил написать письмо прямо по адресу в Москву, где вышло это издание, с просьбой сообщить мне, не является ли Н.Н.Гусев, редактировавшим это издание, бывшим секретарём Толстого. И я просил, что если это бывший помошник Толстого, чтобы передали ему моё письмо, которое я тоже вложил в конверт. Отослал письмо и жду ответа. Ответа не было около ме-

сяца. Вдруг получаю письмо от самого Н.Н.Гусева. Не верю своим глазам: неужто это человек, живший в одном доме и сидевший за одним столом с Толстым? Раскрываю, читаю.

С этого момента и началась моя переписка с Н.Н.Гусевым, длившаяся несколько лет, до самой его кончины. Увидеться мне с ним не удалось, хотя и очень хотелось. На многие и многие вопросы, которые меня интересовали, он просто и ясно отвечал. Подарил мне несколько своих книг. Он же меня и познакомил с единомышленниками Толстого. Я ему написал, как бы я хотел узнать хоть одного человека в стране, который бы разделял жизнепонимание Толстого, и есть ли вообще такое люди? Он дал мне адрес Андрея Григорьевича Мозгового. Это был первый единомышленник Толстого, с которым мне удалось встретиться. Он вегетарианец. Не женился, желая всецело посвятить свою жизнь служению Богу. Он отказывался от военной службы по своим убеждениям. Он даже не принимал никогда участия в выборах, за что имел много неприятностей от местных властей. Он много лет отсидел по тюрьмам. Пришлось ему испытать и пытки при допросах в НКВД.

Потом я познакомился и со многими другими единомышленниками.

Приобретал я и книги Л.Н.Толстого из так называемого Юбилейного издания, девяностотомного.

Мысли Льва Николаевича были настолько близки душе моей, что часто я не мог удержаться от слёз радости, что наконец я нашёл чистый источник вечной истины и любви Божеской. Я чувствовал, что сливаюсь с этой истиной настолько, что чувствую себя неразделимым с ней. Вот уже более двадцати лет я в своей молитве повторяю слова Толстого: "Господи! Да будет для меня каждая утренняя заря как бы началом жизни, а каждый закат солнца - как бы концом её, и пусть каждая из этих коротких жизней оставляет по себе след любовного дела, совершённого для других, и доброго усилия над собой".

О, если бы все люди, каждый в отдельности, вставая от сна и готовясь к наступающему дню, произносили бы эти короткие молитвенные слова со всею искренностью и всею любовью и желанием исполнить их в предстоящем дне, от скольких бед мы бы избавились! Какая это великая сила - искренняя вера в Бога, как она воодушевляет человека на всё доброе, святое, праведное!

Верю я в Бога, Которого понимаю как Дух, как Любовь, как Начало всего. От Него вся жизнь была, есть и будет, и потому верю, что Бог есть Отец всех людей, а мы, все люди, являемся Его детьми - братьями и сёстрами между собой. Верю, что всем нам - и китайцам, и монголам, и евреям, и русским, и японцам, и татарам - дан Богом один и тот же закон, который написан не в книгах, а в нашем разуме, в нашей совести, в сердце. И если мы что берём из книг - из Библии, Евангелия, Корана, учения Будды и других книг,- то мы берём и верим тому, что написано в этих книгах не потому, что книги эти святые, а потому, что то, что там написано, согласно с разумом, совестью и сердцем каждого человека.

Закон же, этот, написанный самим Богом в душах всех людей, учит тому, что жизнь человека не есть его собственность, а принадлежит одному только Богу. Он дал нам жизнь, и потому

Он хозяин нашей жизни. Он послал всех нас в этот мир затем, чтобы мы, живя в нём, исполняли Его волю, а не свою, делали то, что Он хочет, а не то, что нам хочется. Все мы являемся Его посланниками, - как важно помнить об этом и поступать во всём достойно посланника Божия! И потому не только главная, но единственная цель нашей жизни в этом мире в том, чтобы мы служили Ему, исполняли Его волю. Воля же Его, во-первых, в том, чтобы мы любили Его, Отца нашего, всем сердцем и душою более всего на свете, чтобы Он был в сердце нашем всегда на первом месте, и потому вели свою жизнь во всём достойно; во-вторых, Его воля в том, чтобы мы любили всех людей, все живые существа, как любим сами себя, и потому поступали с другими так, как хотим, чтобы с нами поступали, чтобы ни в коем случае не делали другим того, чего себе не желаем; увеличивали бы в себе и в мире любовь и заменяли бы добром и согласием зло и насилие. Верю, что это человеку во благо и здесь в жизни, и после смерти. Вот вся моя вера.

1990, г.Бахчисарай.

Владимир Зайцев

НЕКОТОРЫЕ РАЗДУМЬЯ О ДЕТЯХ И ВЗРОСЛЫХ

Ребёнок - человек будущего, но не "будущий" человек. Каждый человек - настоящий.

Каждый ребёнок уже сейчас больше, чем человек, потому что это человек будущего в большей степени, чем мы, взрослые.

От понимания важности отношения взрослых к детям зависит реализация последовательностей: или человек будущего - человек без будущего - будущее без человека, или человек будущего - целостный человек.

Каждый живущий приходит в этот мир с верой в жизнь. Ссорами и руганью родители могут убить эту веру, а могут - сохранить и укрепить её своим согласием, целостностью.

Нетрудно себе представить врождённый страх человека перед жизнью, если вместо сил благодати и жизнеутверждения направлялся к нему посыл смерти, если мать старалась избавиться от него в начале беременности.

Ребёнок, не только орущий и берущий, но и одновременно - дающий родителям возможность развить способность к сострадательности, милосердию, любви, человечности. Только душевно глухие родители не могут с благодарностью принимать от ребёнка эту счастливую возможность. Поэтому процесс воспитания ребёнка - это прежде всего процесс самовоспитания его родителей; другими словами - это доброжелательное осознание родителями процесса их воспитания самим ребёнком.

Иные родители учат своих детей "давать сдачи", закрепляя в сознании и продлевая во времени психопатическую враждебность во взаимоотношениях людей. В конце концов, по мере накопления накопления и усиления таких взаимоотношений в обществе, войны и преступность получают возможность морального обоснования и поддержки.

Научить можно только тому, что умеешь сам, особенно если перед тобой ребёнок, который впитывает всё, как губка. Когда родитель, стремясь воспитать в своём ребёнке уважение к интересам другого человека, сам игнорирует интересы других, - чему он его научит?

Личный пример воспитывает, а команды, требования, крик и назидания - дрессируют, уродуют ребёнка, так как он впи-

тывает в себя и усваивает не то, ЧТО в нём хотят воспитать словами, а то, КАК это делается. Когда в воспитании ребёнок чувствует элемент насилия и лжи, он противится, и в то же время легко усваивает те моменты, элементы, методы воспитания, которые не являются направленными непосредственно на него и поэтому не встречают с его стороны сопротивления.

Стремление ко всякого рода власти, или воля к власти, к управлению другими людьми есть компенсаторный механизм, обусловленный душевной неполноценностью и эгоизмом, что, в общем то, одно и то же.

Стремление заботиться - норма, в то время,как стремление властвовать - скорее болезнь, отклонение.

Нельзя покушаться на жизнь, данную тебе Богом. Если тебе плохо, - помоги тем, кому хуже. Бог любит тебя, и ты Ему нужен здесь, Он надеется на тебя, Он верит в тебя, Он ждёт твоего решительного пробуждения. Открой глаза твои, встань и иди!

Любовь доверяет себя лишь тому, кто её достоин, кто достоин её проявлять и выражать. Тот знает: чувства приходят и уходят, любовь же остаётся. И даёт новые силы для того,чтобы передать её детям, людям всему, с чем соприкасается этот счастливый человек.

"Любовь - это открытие". Способность любить - это способность быть открытым. Открытым полностью. Открытым к принятию другого человека. Каждый рождается таким человеком. Но...

Открытость сердца,или души, сохраняется только в условиях свободы. Только в условиях свободного, естественного развития человек, ребёнок сохраняет эту способность.

Когда же мы растим своих детей в условиях внутренней несвободы, начиная с тугого пеленания, яслей, садика, - куда сами их отдаём, что вообще противоестественно, - воспитывая эту внутреннюю несвободу ограничением свобды внешней,- откуда же взяться душевности, сердечности, доброжелательности в людях? И не отсюда ли жестокосердие, равнодушие и прочие качества, с которыми человек живёт как с заглушкой в сердце, с душой, заглохшей для любви?

Бог есть любовь. Пусть сердце вытолкнет заглушку.

Общение - необходимое условие развития души. Общение - это нахождение общего, неделимого и вечного, чувство общего, все-общего, проявленного в многообразии. Не будь этих разнообразностей мира, общение было бы невозможно, так как оно осуществляется через многообразие, - было бы одно единое "общее", никак не проявленное.

Критерий, по которому можно судить о достаточности душевных сил, - РАДОСТЬ, становится таким же отвлечённым и смутным понятием, как жизнь по совести... Никакое веселье и удовольствие - суррогаты, даже гипертрофированные, - не смогут дать и малейшего представления о ней.

Детям объективно приходится расти в тяжёлых условиях

душевной недостаточности. Так постараемся хотя бы не усиливать её своим эгоизмом.

Где взять для этого душевные силы, если внешние источники, естественные источники жизни , радости - отравлены? Построить внутри себя очистные сооружения? Фильтры? Или - обратиться к внутренней природе, вспомнить себя... - к началу истока, скрытому от глаз, к тому самому изначальному общему, не выразимому словами состоянию души, той искре Божьей, без которой не рождался ещё ни один человек.

В сущности, что же такое душевная сила, как не благодать, и кто же даёт её человеку - в каких бы тяжёлых и неблагоприятных условиях он ни находился, - как не Бог? Я могу назвать это Богом, а могу назвать Красотой или Истиной - для меня это одно и то же. Главное, что подлинное общение человека с миром - это любовное служение, а не использование или господство; это приобщение к жизни, участие и сотворчество. Кто любит - тот выстрадал, кто выстрадал - тот ценит, кто ценит - тот бережёт, кто бережёт - тот не теряет. А если кто и потеряет - пусть обретёт вновь. Бог, Царство Божие, Царство Небесное - это не место и не время, это - состояние. "Стучите - и вам отворят. Просите - и дано будет".

1990 г., Ленинград.

ТОЛСТОЙ В ЯПОНИИ

Продолжаем тему, начатую нашим журналом в №№9-10. В этом выпуске - письмо Наоши Като /1908г./ и статья из журнала EASTWEST.

"Когда в 1902 и 1903 годах вышли в Японии переводы новых сочинений Толстого, было интересно наблюдать, как религиозные мысли Толстого проникали в каждую извилину японского ума и, подобно пороху, скрытому в трещинах скал, взрыва-

лись с большой силой, потрясая до основания все существующие теории и принципы... Не только христиане, которые достаточно прогрессивны, чтобы быть на уровне современной мысли, пришли к познанию потрясающей реальности истины, таящейся в исповедуемой ими религии, но даже буддисты нашли источник вдохновения в книгах графа Толстого. Многое указывает на то, что обновление, обнаружившееся в последние годы в буддизме, имеет здесь своё начало.

Если бы влияние Толстого ограничивалось религиозным миром Японии, было бы преувеличением сказать, что его мысль потрясла духовный мир Японии до основания. Но дело в том, что его книги нашли ревностных читателей и последователей среди молодого поколения Японии, стоявшего вне религии. Десяткам тысяч молодых японцев открылась религия Христа в смелом рельефе и простейшей форме, которая до сих пор так или иначе была скрыта под оболочкой различных догматов и суетных условностей. Свет, брошенный графом Толстым на область разума, был подобен радию, пронизывающим столько слоёв, сколько находится на его пути... Благодаря этому свету люди нашли свою религию, исходящую из глубины души...

"Религиозное сознание" - вот самые популярные слова вскоре после появления у нас книг Толстого...

Наоши Като".
/1908 г./

OLD FRIENDS

BY LEAH MARK MATSUI

Показывая нам свои аккуратные посадки чая, бобов азуки и грядки с кунжутом - всё это в чудной местности среди свежезелёных холмов, бамбуковых рощ и старых деревенских домов - Дзиро Китамикадо ведёт беседу о Канте, Конфуции и Толстом. "Все они призывают к одному,- говорит он, проходя по террасам с посевами риса,- они призывают поступать сообразно вложенному в нас моральному закону".

Китамикадо уже 76 лет, и он хорошо знаком с тем, что значит жить сообразно с внутренней истиной. После того, как

в тридцатые годы он начал читать Толстого, он на всю жизнь вдохновился "безусловным ненасилием", которое привело его к отрицанию войны и отказу от призыва в армию. После войны Китамикадо стал самым выдающимся японским переводчиком Толстого, получив десять лет назад Премию за японский литературный перевод, несмотря на отсутствие академических дипломов и его утверждение, что он в душе фермер.

"Толстой говорил, что крестьянский труд наиболее свободен от греха, - говорит Китамикадо. - Поэтому я и стал фермером". Он одет в длинную шерстяную рубашку и тюмное вязаное кимоно. Здесь же его жена Йомо, худенькая женщина, по-японски носящая брюки и фартук.

"Дзиро такой беспорядочный,- говорит она, поправляя его одежду. Её муж улыбается. - Даже в молодости он никогда не заботился о том, как выглядит. Он предпочитал покупать книги вместо новой одежды".

Выше денег, признания или модной одежды всегда были для него книги. И была одна книга - книга Толстого - которая полностью изменила его жизнь. "Первое, что я прочёл из Толстого, был народный рассказ "Чем люди живы". Мне было тогда семнадцать лет, но восторг, который я тогда пережил, наверное сохранится во мне на всю жизнь. Моя совесть неожиданно пробудилась. Затем я прочитал "Сказку об Иване-дураке". Я был чрезвычайно потрясён идеей безусловного ненасилия. Это было совершенно противоположно тому, чем нас пичкали в школе".

Охвативший предвоенную Японию ультранационализм очень сильно проявлялся в школе 1920-30 годов. Наподобие того, как повсюду в американских школах висели звёзднополосатые флаги, в Японии висели иконоподобные портреты императора. Ученики должны были кланяться этим священным фотографиям, отдавать честь этому "отцу империи". Все японские школьники были "Хейка-Но-Секиши", то есть "детьми Его Величества".

"Нас учили молиться императору, как Богу, нас учили, что наш долг убить неяпонцев во имя его. В средней школе была строевая муштра и обучение в стрельбе. Я, не задумываясь, участвовал в этих упражнениях, радостно бегая вокруг воображаемых врагов, убиваемых из воздушной винтовки".

Но чтение Толстого "Чем люди живы" всё это изменило. "Я стал задумываться о том, не является ли всё то, чему нас учили в школе, обманом". Китамикадо пишет: "Прав ли Толстой? Я не мог тогда ответить. Но после "Сказки об Иване-дураке" я был захвачен чтением Толстого, и вдруг я увидел лживую сущность полученного мной патриотического воспитания".

В середине 30-х годов поступив в Токийский университет - самое элитарное японское академическое учебное заведение, - Китамикадо бойкотировал занятия по военной подготовке. И не столько он уделял внимания английской литературе, сколько самостоятельным занятиям по изучению русского языка, с тем, чтобы могла осуществиться его мечта - читать Толстого в подлиннике. Он решил изучать русский язык через непосредственное общение. В Манчжурии - в то время бывшей в составе Японии - жило много русских эмигрантов. И Кита-

микадо в 1936 году едет в Харбин.

"Хар^ин в те дни был диким, - рассказывает Китамикадо. - Там был целый район увеселительных заведений со всевозможными искушениями для молодого человека. Помню одно такое место - "Лэмплайт", где я танцевал с цыганкой. Но это всё было дорого, и я был там всего три или четыре раза. Более, чем через тридцать лет, когда я переводил "Войну и мир", где много танцевальных сцен, я вспоминал "Лэмплайт".

В Хпрбине Китамикадо сблизился с одной русской семьёй и учился в одной другой семье. "Я буквально влюбился в Эмму Кравченко, мою наставницу в русском языке, друга и жену другого человека. Она не была очень красива, но она была так добра ко мне. Разумеется, это чувство было чисто платоническим" - говорит Китамикадо и смеётся.

С помощью Эммы Китамикадо читает по-русски "Анну Каренину" и "Войну и мир".

Но он не мог долго оставаться в Китае. После того, как он в Манчжурии три месяца пролежал в больнице с воспалением лёгких, его отправили домой. Когда же он выздоровел, война в Манчжурии усилилась, и он не мог туда вернуться.

В дневниковой записи июля 1937 года читаем: "... Положение в северном Китае плохое. Многие из тех, кого я знаю, получили мобилизационные повестки. Военные репортажи и патриотические речи по радио не прекращаются. Я до головной били сержусь и печалюсь. Откуда приходят войны? От какого-то пресмыкающегося инстинкта убить другого? Хотя мы способны контролировать в себе другие побуждения, почему же мы не можем остановить внутреннее побуждение насилия?"

Вскоре, когда Китамикадо не воспользовался студенческим освобождением от военной службы и покинул Токийский университет, он оказался подлежащим призыву. Китамикадо пишет, что, когда пришла повестка, "Я понял, что мой час настал. В то время я читал Канта и Толстого и чувствовал ощутимую духовную поддержку этих двух столпов истины. Я был готов пострадать во имя безусловного пацифизма". Он решил предстать перед призывной комиссией и принять арест и наказание.

Однако начальник комиссии освободил его от военной службы, определённо решив, что, если они сделают из Китамикадо мученика, это может лишь побудить других к отрицанию войны. Китамикадо покинул призывной центр в слезах, смирившись с неожиданным поворотом событий. Дневниковая запись в 1938 году: "Моя единственная возможность понести терновый венец миновала. Может быть, Бог усмотрел, что идти крестным путём страданий было бы для такого мальчишки, как я, слишком большой честью... Но вместо мученичества оставалась другая обязанность. И я решил восвятить свои силы, разум и сердце тому, чтобы вымывать грязь милитаризма из человечества. Пока я жив, я буду осуждать насилие и сопутствующую ему ложь". И Китамикадо следовал своему решению. Отвергнутый родственниками и соседями, подвергаясь преследованию со стороны властей, он никогда не переставал обличать милитаризм.

Кстати, так же, как пацифизм, удивительным казался разрыв Китамикадо с университетом. Йоти Шиокава, служащий из Осаки, пишет: "И вчера и сегодня, если кто-то поступает в Токийский университет, его будущая карьера обеспечена. Перед окончившим этот университет открываются все двери. Все мы стремимся к какому-то признанию, к материальному, финансовому успеху. Но Китамикадо не колебался и, покинув университет, всё это оттолкнул от себя. А в Японии разрыв с "истэблишментом" - это всё: если вы однажды отошли, обратного пути нет".

Китамикадо настойчиво продолжает читать работы Толстого в оригинале и писать о мире. В 1956 году была опубликована его первая статья - краткий биографический очерк Хадзими Каваками, - за которую Китамикадо получил десять тысяч йен, что составляло около сорока долларов. Через четыре года он начал публикацию серии статей об ошибках в японских переводах Толстого ...

Несмотря на утверждение Китамикадо о том, что он просто фермер, в биографию следует включить публикации его перевода романов Толстого "Война и мир", "Анна Каренина" и "Воскресение". Среди других опубликованных его переводов "Царство Божие внутри вас", "Смерть Ивана Ильича", пьесы Толстого, некоторые народные рассказы, а также "Круг чтения" и "На каждый день". Среди ещё не опубликованных рассказов "Алёша Горшок", "Казаки", "Хаджи-Мурат", "Отец Сергий", "Крейцерова соната" и, кроме того, ещё статьи, очерки и дневниковые записи.

"Я перевёл около трети произведений Толстого"- говорит Китамикадо. Это немало; официальное собрание сочинений Толстого состоит из девяноста томов. "Мне кажется невозможным перевести и опубликовать всё это в течение моей жизни".

После 1979 года, когда Китамикадо был награждён Премией за японский литературный перевод, он дважды ездил на родину Толстого...

Теперь приглашения прочитать лекцию и на учебные семинары участились, и в японских газетах и журналах регулярно появляются его статьи.

Вот, к примеру, одна из поездок в город из его дома в деревне Дайява. Поднявшись около шести часов утра,в полдень он проводит в городе Кумамота по приглашению женской организации беседу на тему "Детская мудрость" Толстого. Затем - в "Такетомбо" /что в переводе значит "Бамбуковая стрекоза"/ - детская книжная лавка, которой руководят его дочь с мужем. Здесь всегда большой наплыв посетителей, которые приходят сюда не только в поисках интересных книг, но и для того, чтобы пообщаться. Вот они сидят с "Антологией японских сказаок" и переводом Мориса Сендека. Кто-то говорит, что видел последнюю статью Китамикадо о скандале в правительстве по поводу призывной системы.

"О, вы читали это? - говорит Китамикадо. - Да уж,хотел я задать им жару. Но в моём возрасте, я полагаю, лучше прощать. А видели вы тот мой портрет, который они напечатали? Прямо ужас. Я ведь просил их не использовать эту фотографию". Собравшиеся смеются.

Беседа продолжается в ближайшей кофейной, переходя от Японии и политики к Толстому и сравнению русского и китайского языков.

Затем - на собрание в руководимой Дзиро Китамикадо Группе чтения Толстого. В этот вечер обсуждение рассказа "Где любовь, там и Бог".

На следующий день - трёх с половиной часовая лекция о Толстом; затем - приём в честь Китамикадо, который завершается непринуждёнными беседами и пением песен Стефана Фостера и "Сайлент найт".

В Хитойоши, ближайшем от деревни, где живёт Китамикадо, городе, при местном историческом музее имеется Отдел Дзиро Китамикадо. Представлено множество фотографий, рукописей и всего, что заслуживает внимания. Китамикадо подчиняется, скрепя сердце. "Это так стесняет, - жалуется он. - Теперь буквально каждый мой шаг на дисплее. Как это тяжело!"

Он более живой, чем многие. Не боясь полемики, он публично критикует императора, японское Министерство образования и оборонный бюджет. Об императоре Хирохито Китамикадо сказал следующее: "Каждый может иметь то мнение, которое он желает, но я непримиримый противник императора. Ведь во имя его была развязана война, во имя его мнение тысячи людей были отправлены на смерть. Император - это символ милитаризма страны. Только при упразднении императорской власти в Японии может развиться настоящая демократия. Нет большего оскорбления достоинства человеческого разума, чем это возвеличивание обычного человека как нечто императорское и священное".

О японской школьной системе Китамикадо пишет: "Образование не является исключительной собственностью профессиональных "образователей". Путешествия, чтение, дружба, болезнь, физический труд могут учить не меньше, чем школьные учебники, телесные наказания и столь часто скучная академическая эрудиция, предписываемая Министерством образования".

В 1985 году Китамикадо выступает с критической статьёй против военных расходов. "Неужели мы так насыщены ложью, что вместо вопроса - нравственна ли, вообще, война? - обсуждаем, сколько она будет стоить? Почему уж тогда прямо не говорить о расходах на убийство людей? Неужели никто не встанет и не скажет: Ничто из нашего бюджета не должно быть использовано для убийства!"

Через пятьдесят лет после первого чтения Толстого деятельность Китамикадо не ослабевает. В марте 1989 года он завершает перевод антивоенной статьи Толстого "Одумайтесь!" и начинает перевод серии работ об отношении Толстого к русско-японской войне. Он проводит беседы с молодыми людьми, которые не помнят даже Второй Мировой войны, рассказывает им о том, как шёл Толстой от военного офицера и охотника к пацифизму и вегетарианству. Китамикадо приводит цитаты из конфуцианской литературы, рассказывает о своём первом знакомстве с произведениями Толстого, об антивоенных выступлениях, поёт песни того времени и завершает беседу чтением из "Одумайтесь!"

Он терпеливо отвечает на вопро ы паудитории, сопровождая ответы забавными историями. Например, отвечая на вопрос о вегетарианстве, он рассказал: "Лично я всегда чувствовал, что убийство для еды - это зло. Когда я женился /в 1941 году/, родители моей жены настаивали, чтобы на свадебном угощении было куриное мясо. Но, скажите мне, почему циплята должны умирать, если мы женимся? Потому я, используя этот довод, наконец заявил: "Если для этого нужно убить циплят, я не женюсь". Ладно, так и договорились, и у нас на сватьбе было только вегетарианское угощение".

В отношениях Китамикадо с людьми любезность, юмор и необыкновенная доброта, но - как показывает история с циплятами - отказывается идти против своих убеждений. Друг и писатель Томако Масаго говорит: "Дзиро - мой идеал, каким должен быть писатель. Он мягкий и сострадательный, но в принципиальных делах он непоколебим".

На лекциях некоторые участники пытаются провести параллели между Толстым и его переводчиком. Но Китамикадо противится классификации.

"Тот, кто называет меня толстовцем, - не читал Толстого... Дело Толстого выходит за пределы каких бы то ни было "измов". Утверждать, что кто-то - лидер, а другие - последователи, прямо противоположно Толстому".

Рассказывая о посещении Советского Союза, Китамикадо говорит: "Я был неприятно удивлён тем, как многие советские люди смотрят на Толстого исключительно с позиций марксизма-ленинизма. Когда я давал интервью "Литературной газете", репортёр старался доказать - как требуется с тех позиций - противоречивость Толстого, в частности указывая на то, что в "Войне и мире" он превозносит Кутузова. Позвольте, - сказал я, - нет оснований судить о Толстом по лишь одному произведению. Каждый, кто серьёзно читает Толстого, видит, что он был абсолютно против любой формы насилия. И я с ним согласен. Я отказывался от призыва в японскую армию, но, если бы я был рождён советским гражданином, я бы также отказался от военной службы"".

Китамикадо работает в маленьком кабинете за низким столом. Он пишет чернилами, заполняя страницу за страницей школьные тетради. Говорит один знакомый: "Толстой плакал, когда писал, а Китамикадо плачет, когда переводит. Вы это можете почувствовать из его работ".

Я сижу в его кабинете, здесь очень спокойно. Старец Толстой смотри с фотографии на старца Китамикадо. "Для меня в Толстом самое главное - это признание всех людей равными, что все мы в глазах Бога братья и сёстры. И что Бог не в какой-либо церкви или религиозной организации. А Бог живёт в каждом из нас и делает каждого частью Его святости. И поэтому мы непременно должны прекратить убивать друг друга".

Китамикадо отрывает перо от бумаги и улыбается.

"В моей работе, конечно, бывают случаи, когда что-то в русском языке не имеет абсолютно точного перевода. Когда я дохожу до таких мест, я как бы разговариваю прямо с Толстым. Ведь мы уже друзья без малого шестьдесят лет. Мы очень хорошо понимаем друг друга. Я говорю: "Толстой-сан, я хотел бы выразить это по-японски вот таким образом". И Толстой отвечает мне. Он говорит: "Хорошо, Дзиро, я доверяю тебе".

СОДЕРЖАНИЕ:

стр.

Адрес редакции: 226001, г.Рига-1, а/я-16.
Телефон: 27-31-28.
Редактор Георгий Мейтин.

Журнал издаётся с марта 1988 года.